

Гай Юлий Орловский

Фантасма

Длинные Руки —
принц

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – принц

«ЭКСМО»

2012

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – принц / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2012 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-58088-0

Демон, вызванный магом в колдовской пентаграмме, к его изумлению, поклонился не ему, а мне, хотя я лишь наблюдал в сторонке. Здорово, чего скрывать, но беспокойства больше: за мной, их победоносным принцем, гремит сталью рыцарских доспехов войско крестоносцев! И нет пощады магам, колдунам, вампирам и прочей нечисти.

ISBN 978-5-699-58088-0

© Орловский Г. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – принц

Часть первая

Глава 1

Ярко-синее небо, просто пугающе бездонное, под ним свежая зелень холмов и долин, что издали выглядит упавшим с небес огромным куском бархата светло-изумрудного цвета, накрывшим полмира, а дальше астрономически медленно сдвигается огромная тень от крохотного облачка, открывая такой же яркий, радостный мир.

Арбогастр вынес меня на вершину зеленого холма, откуда открылся захватывающий вид на роскошную долину. Среди зелени десятки, если не сотни разноцветных шатров, похожих на дивные цветы, готовые распуститься, у всех задорно остроконечные купола, устремленные к солнцу.

А за лагерем, отделенные зеленой полосой в несколько десятков ярдов, гордо и красиво поднимаются строгие серые стены умело выстроенного города-крепости.

С вершины холма видно, что он обнесен высокой и достаточно толстой стеной со всех сторон, почти ровное кольцо, двенадцать башен, а в самом городе высится множество высоких каменных домов. Дворец герцога в центре, вокруг – площадь с роскошным садом, это как обычно в столицах герцогств и королевств...

Бобик то садился, то вставал и смотрел на меня с недоумением в больших коричневых глазах.

– Вперед, – сказал я наконец, – только не вздумай захватывать Истанвил в одиночку.

В лагере нас заметили, когда мы уже ворвались в его расположение. Знатные рыцари и простые воины одинаково вскидывали закованные в стальные рукавицы кулаки и потрясали над головами, воздух сотрясали ликующие вопли:

– Ричард!

– Ричард с нами!

– Ура Ричарду!

Я щедро улыбался и, красиво откинувшись слегка корпусом, двигал из стороны в сторону над головой ладонью с умеренно растопыренными пальцами.

По ту сторону лагеря с небольшого холма группа военачальников на конях смотрит на высокие стены спокойно и деловито, переговариваются с таким видом, словно обсуждают, что будет на обед, а что лучше оставить на ужин.

Заслышав характерный грохот копыт тяжелого арбогастра, все повернули головы. Будакер, Альбрехт, Растер, Палант, другие знакомые лица, я помахал рукой и сказал громко:

– Без церемоний, мы на войне!.. Что тут нового?

Будакер ответил, все-таки поклонившись чуть-чуть:

– Все новое, первые наши части прибыли сюда только вчера. Сегодня перекрыли все дороги.

– Что с Истанвиллом?

– В полной изоляции, – доложил он скромно. – Можно приступать к осаде или штурму, это как изволите, ваше высочество.

Альбрехт коротко усмехнулся, но промолчал. Я молча рассматривал город. Истанвил, как его называют местные, столица герцогства, запер все крепостные ворота, на воротах и стенах,

помимо воинов, сейчас торчат жители. Женщины из числа простолюдинок беснуются особенно яростно, визжат и делают в сторону подступивших войск непристойные жесты, дескать, будем защищать свой город до последней капли крови.

– Где армия Меганвэйла?

– Перекрывает все подходы с северо-запада, – доложил Будакер.

– А та Победоносная, которую вел граф Альбрехт?

– Она, возглавляемая Шварцкопфом, заняла все дороги с северо-запада – муха не пролетит!.. Ну а мы перекрыли все пути со стороны юга.

Я кивнул.

– Прекрасно. И что, истанвилцы в самом деле готовы к осаде?

Он кротко усмехнулся.

– Да, ваше высочество. Стены высокие, а гонцы скачут быстрее, чем двигалась наша армия. Успели, думаю, и воинов из окрестных земель созвать, а еще запастись продовольствием.

– Им же хуже, – буркнул я. – Чем больше народа, тем скорее все пожрут. Пошлите им парламентаря... нет, просто гонца с требованием немедленной сдачи на милость победителя.

Он взглянул искоса.

– Сразу вот так?

– Именно, – сказал я. – Выполняйте.

Он поклонился.

– Ваше высочество...

Я повернул Бобика в сторону лагеря, не удостоив город больше взглядом, хотя, конечно, поразглядывать еще как хочется, но надо вести себя, как положено крупному полководцу, одерживающему победу за победой.

Со мной отправились Палант и Растер, еще я взглядом велел Альбрехту присоединиться к нам – нечего помалкивать многозначительно, знаем таких помалкивателей.

Довольный, как стадо слонов, Растер ехал стремя в стремя, зычно покрикивал, чтобы дали дорогу, хотя воины узнают меня издали и провожают восторженными воплями до самого шатра на небольшом возвышении в центре лагеря.

У приоткрытого полога, чтобы проветривалось, стоят улыбающиеся Хрурт и Ульман. Этих я послал вперед, остальные подтянутся попозже, – вечная беда правителя, что передвигается намного быстрее своих телохранителей.

– Я не слишком долго? – спросил я и, не дожидаясь ответа, соскочил на землю и снял Лалаэль, вроде бы нечаянно откинув капюшон с ее головы.

Ее волосы засверкали чистейшим золотом. Даже у бедного Паланта отнялся язык, а Лалаэль, пугливо глядя под ноги, торопливо шмыгнула в шатер.

Толстый слой ковров и звериных шкур на полу, широкое ложе, явно учли эту молчаливую эльфийку за моей спиной, длинный стол и три такие же длинные лавки – ничего лишнего, разве что настоящий, хоть и грубо сколоченный трон с высокой спинкой, на самом верху грубо и неумело вырезано нечто страшное геральдическое...

Бобик побегал, все обнюхал и выскочил. Эльфийка зыркнула на не сводящего с нее взгляда Паланта, села на краешек лавки и опустила голову, снова укрывшись капюшоном.

– Есть новости, ваше высочество, – проговорил Альбрехт очень тихо.

Я насторожился, быстро посмотрел по сторонам.

– Говорите, граф.

Он сказал почти шепотом:

– По вашему указанию всюду собирают сведения об императоре Карле, но их на удивление мало. Известно только, что никаких особенных военных приготовлений не ведет.

Я кивнул.

– Прекрасно. Хоть и непонятно.

– Еще стало известно, что он ищет пропавшего сына. Странно, что слухи начали распространяться так поздно, а пропал он вроде бы давно, не находите?

Мне показалось, что смотрит чересчур подозрительно, буркнул:

– Продолжайте, граф.

– Сотни лучших следопытов, – сказал он, – и разного рода искателей разошлись во все стороны. Думаю, ваше высочество, там не обошлось без могущественной магии. А вы как думаете?

Я ответил сердито:

– Нет, почему ты так думаешь?

Он пояснил значительно:

– Любого похитителя проследили бы сразу. Где на коне, где на телеге, в каком трактире останавливался пообедать, а если в лесу, то вот пепел от костра, сломанные ветви. Даже дракона бы заметили и проследили!

– Гм, – сказал я, – спасибо за сведения, дорогой граф. Про сына мне неинтересно, а вот что Карл пока не собирает войско... это великое облегчение.

– Ваше высочество...

Я отмахнулся.

– Давайте, граф, без церемоний, когда никого нет.

Он взглядом указал на эльфийку. Я сделал большие глаза, мол, это же вообще женщина, что она понимает, и он, усмехнувшись, вышел.

Я торопливо насоздавал деликатесов, Лалаэль смотрит огромными глазищами (как я люблю, когда так на меня смотрят!), и хотя сейчас тарачится на стол, но это все равно на меня, такого могучего и замечательного.

– Покажи, – сказал я, – что ты не беззубая старуха!.. Нет, ты за столом покажи. А что умеешь кусаться, я уже помню.

Она огрызнулась писклявым голоском:

– Я тебя еще не кусала!

– Ага, – сказал я, – призналась, что собираешься...

Вошел Будакер, остановился у порога.

– Барон? – сказал я.

– Ваше высочество, – ответил он.

– Барон, – сказал я, – какие-то новости по Истанвилу?

– Замечено шевеление, – доложил он. – У городской ратуши собирается народ.

– Почему не у дворца герцога?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Может быть, сэра Утальд скажет?.. Позволите?

Я кивнул.

– Давайте.

Он приоткрыл полог, кивнул, и через минуту вошел ладный подтянутый сотник его армии, поклонился.

– Сэр Утальд, – сказал я.

– Ваше высочество, – произнес он почтительно.

– Сэр Утальд, – сказал я, – барон Будакер называет вас глазами и ушами его победоносного войска. Что нас ждет в этом противостоянии?

Он развел руками.

– На самом деле, ваше высочество, не было времени, чтобы узнать что-то важное. Вот только герцога Блекмора что-то не видно вовсе, а его знамя с башни дворца исчезло прямо

перед прибытием наших войск. А еще говорят, что под их городом есть другой город. И живут в нем не люди.

Я вскинул брови, ожидая разъяснений, а сэр Уталъд продолжал жадным голосом:

– Говорят, там внутри все из золота! Посуда, ложки, даже столы и лавки!

Будакер буркнул:

– До чего же все неудобное... Такую лавку и не сдвинешь.

– А это чтоб не дрались ими, – пояснил Уталъд. – Там даже стулья золотые, таким не шарахнешь соседа по голове за то, что тот раньше тебя окорок ухватил. А сколько там драгоценных камней...

Будакер сказал скептически:

– А я бы их и брать не стал. С ними возиться, перепродавать, обязательно обжулят. Выгреб бы просто все золотые монеты из шкатулок, сундуков, мешков...

Я похлопал ладонью по столу.

– Тихо-тихо! Может, там никакого города нет, а вы уже сокровища выгребаете. А если и есть, то вам те местные... которые не люди, так и дадут взять. Давайте лучше подумаем, как...

За шатром быстро простучали подошвы, в щель просунулась голова Хрурта.

– Ваше высочество, – крикнул он, – из города выходят знатные люди! Целая колонна!..

Я быстро поднялся, а Будакер крикнул сорванным голосом:

– Быстро сюда шелка, бархат... Черт, не успеваем!.. Ладно, задержите их там...

Я торопливо вышел вслед за Хруртом. Рыцари на конях и пешие воины поспешно выстраиваются в две длинные шеренги. Чем ближе к моему шатру, тем выше по титулу и знатнее по роду, а за два десятка ярдов от него только графы, бароны и виконты.

– Ладно, – сказал я недовольно, – ламбертинцы доберутся сюда еще не скоро. Давайте пока пройдемся по лагерю, сделаем вид, что понимаем что-то в этом деле.

Он усмехнулся: обсудить в самом деле есть что, тут же заговорил о выдвигании легкой кавалерии на границы герцогства, да не воспользуется никто из соседей, чтобы отхватить кусок...

Мы сделали полный круг, когда за нами прибежал гонец и сообщил, что его высочество уже ждут...

Трон за это время укрыли наскоро настеленными красными, пурпурными и багряными шелками и бархатом. Не только сиденье и на подлокотники, но укрывают даже высокую спинку, где хищно растопырил крылья неведомый зверь.

От трона теперь протянута дорожка из красного бархата на пять ярдов, придавая особую торжественность моменту.

Я опустился на трон и начал ждать. Барабанщики по сигналу проббили дробь, а затем простучали нечто парадно-возвышенное, но когда вельможи Истанвила подошли к краю дорожки, разом подняли палочки и застыли в ожидании.

Лорды столицы, как я заметил, при всей обязательной невозмутимости то и дело бросают острые взгляды по сторонам. В диковину, как понимаю, и ровный строй солдат с копьями, острия смотрят в небо, и ни одно не колыхнется, и этот странный музыкальный инструмент, в самом деле так подходящий для войны...

И еще весьма странно, рядом со мной сидит на простом стуле, но с высокой спинкой, самое удивительное существо, какое они могли только представить: с копной пышных волос из настоящего золота, что роскошно падают на плечи и спину, но не скрывают кончиков торчащих ушей, нежно-розовых, как леденцы. Никто никогда не видел таких крупных и чуточку удлиненных к вискам глаз, наполненных чистейшей голубизной, которую наполовину скрывают длинные пушистые и загнутые ресницы.

Лалаэль сидит царственно, только я знаю, насколько жутко этой мышке в обществе множества больших и страшных человек, а я откинулся на спинку трона, руки возложил на

широкие подлокотники (нужно выглядеть властным, надменным и жестоким), но Растер подал мне меч и показал взглядом, что это уместнее.

Я упер острие в покрывающий пол бархат и смотрел прямо и непреклонно. Их пятеро, во главе упитанный вельможа в камзоле из темной ткани, однако весь в золотых нитях шитья, толстая золотая цепь свисает на грудь и держит тяжелую двенадцатиконечную звезду размером с блюдце.

При всей его дородности и заметно выпирающем животе, лицо узкое и странно худое, желтое, под глазами темные мешки в три ряда.

Рядом с ним, чуть отступив на шаг, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, а также он еще и глава заговорщиков, обещавших отстранить герцога от власти.

Остальные, на мой взгляд, просто знатные вельможи, не чувствую, чтобы чем-то выделялись, весомы только знатностью рода, связями и близостью ко двору.

Сэр Ульрих поглядывает на меня как-то странно, иногда бросает беглый взгляд на графа Дэниэла Чарльза, так подло предавшего своего господина...

Я кивком подозвал его и сказал вполголоса:

– Ульрих, мне было видение от Самого, я должен быть гуманистом и соблюдать базовые либеральные ценности, увы. Это значит – простить графа, который почему-то больше радеет о стране, чем о предавшем страну человеке на троне.

– Ой, – сказал Ульрих устрaшенно, – я бы, наверное, умер от одного только появления ангела!

– Я не такой уж большой грешник, – сказал я кротко и перекрестился, возведя очи горе. – К тому же ко мне ангелы и так постоянно слетаются, как гуси, со всякой ерундой... Так что примите графа, это необходимый кирпичик в стене, что укрепляет наши силы!

Он поклонился, а я перевел вопрошающий взгляд на прибывшую делегацию. Старший поклонился с достоинством и замер, глядя на меня с ожиданием.

– Лорды, – проговорил я холодно.

– Ваше высочество, – ответил узколицый. – Я лорд Джонатан Гилфорд, Хранитель Большой Печати, это вот лорд Унгвуд Маутбеттен, он занимался канцелярией герцога Блекмора; лорд Камберлендский – старший конюший; граф Дэниэл Чарльз отвечает за военные силы, а это Лизен Баттенберг – мой помощник.

Я кивнул.

– И что привело вас к нам?

– Это наш город, – ответил лорд Гилфорд сдержанно, – и даже герцогство. Это вас что-то привело к нам.

Я задержал дыхание и напрягся, стараясь, чтобы лицо начало багроветь, а голос получился слегка хриплым, будто вот-вот задохнусь от ярости, как злой пес, что старается сорваться с цепи и перекусать всех на свете:

– Вы знаете, что меня привело!.. Ваш герцог подло и бесчестно схватил мою законную супругу и бросил ее в темницу!.. Это неслыханно, все короли, что услышали, предложили мне помощь!.. В моей армии сейчас войска и Шателлена... взгляните вон на тех лордов!

Глава 2

Барон Джигес Крейст, дядя герцога Мидля, выпрямился еще больше и злобно оскалился, граф Уильям Ланкашнер тоже показал зубы в волчьей ухмылке, барон Томлинсон, властелин земель Беркли, с укором покачал головой, а виконт Кэвин Майкл вообще смотрит с недоумением: а почему бы этих пособников герцога не повесить за злодеяния их сюзерена?

Они стоят хоть и под своими родовыми знаменами, но с ними и общее знамя Шателлена, что должно было быть заметным еще со стен крепости.

Лорд Гилфорд вздрогнул и повернул голову ко мне.

– Мы не знаем мотивы поступков герцога, – произнес он осторожно, – нас больше беспокоит...

Я прервал надменно:

– Разве это не умаление моего достоинства, что на переговоры вышел лорд Гилфорд, а не герцог Блекмор?..

Лорд поклонился, я почти услышал, как хрустят позвонки его заостренного хребта.

– Ваше высочество, – произнес он тихо, – его светлость герцог Эсмунд Блекмор срочно отбыл из города.

Я надулся, слушая удивленный, а затем и гневный ропот своих лордов, выждал и сказал громко, наливаясь державным гневом:

– Куда?.. Почему?.. Разве не долг сюзерена защищать свой стольный град?..

Он ответил так же тихо:

– Подданные не могут обсуждать действия его светлости.

– Прекрасно, – ответил я с тяжелым сарказмом. – Очень послушный народ у герцога!..

И что же, он передал вам полномочия?

Он покачал головой.

– Нет, ваше высочество. Но, как лорд-хранитель Большой Печати, я просто обязан...

Я поднялся во весь рост, раздулся, как морской еж, что пугает этим обитателей дна, когда сам перепуган до полусмерти, и сказал громко, едва-едва не срываясь в праведном гневе, все видят, на державный крик:

– Как оставшиеся на месте представители исполнительной власти, вы прикажете немедленно открыть городские ворота!

Он вздрогнул, побледнел, остальные из его делегации склонили головы и не поднимают в страхе, но лорд Гилфорд нашел в себе силы проговорить с трудом:

– У меня нет полномочий сдавать Истанвил.

Я прорычал:

– Вы собираетесь сражаться?

Он поклонился и ответил дрожащим голосом:

– Ваше высочество... это наш долг.

– Долг, – сказал я с тяжелым сарказмом. – Долг защищать город против трех армий?..

Когда нет надежды, что придет помощь?

Он взглянул мне в глаза прямо и бестрепетно:

– Да, мы погибнем, ваше высочество. Но мы исполним свой долг. И нашим детям не будет стыдно за своих родителей, защищавших родной город до последней капли крови.

Я уловил, что на посланцев начинают поглядывать с сочувствием, такие нравятся всем, мне тоже, люди чести – это люди чести.

– Хорошо сказано, – проговорил я зловеще, – но давайте и я кое-что скажу. Людьями я дорожу, как своими, так и вашими. Потому две армии сейчас блокируют все замки и крепости в герцогстве, так что никто к вам не явится на помощь, а третья – перекрыла все ходы-выходы

из вашей столицы. Сегодня вы можете открыть все ворота и сдать ее на мою милость, и ни один житель города не пострадает...

Он заинтересовался кротко, но с прежней твердостью, хотя я вроде бы уловил в его тихом голосе некоторую неуверенность:

– А если не сдадим?

– Завтра заплатите тысячу золотых монет, – сказал я, – это всего лишь оплата армии, что осаждает столицу. Послезавтра заплатите уже две тысячи. Это плата за ваше возможное упрямство. Если же не захотите открывать ворота и дальше... что ж, вам придется за каждый последующий день уже платить сперва по три тысячи, потом по четыре...

Он спросил почти язвительно:

– Позвольте заинтересоваться, почему такие суммы?

– Потому что я буду рассержен, – пояснил я.

– Но если наступит такой день, – спросил он, – когда сумма станет... невыплачиваемой?

Все затихли и ждали моего ответа. Я ответил спокойно и даже равнодушно:

– Я разрушу город. Не оставлю ни единого здания целым. Всех мужчин предам мечу, а женщин выгоню, пусть уходят в другие места. На месте Истанвила будет пустошь, имя его будет проклято, как и тех дураков, что допустили такое.

Он отшатнулся.

– Что? Это... это невозможно!

– Почему? – спросил я.

– Это же дикость!

– Это результативность, – сказал я холодно. – Сколько в Истанвиле жителей? Вряд ли больше десяти тысяч. Я гораздо больше людей потеряю, своих и ваших, если начну завоевывать все герцогство силой. А так, представьте себе, ужасная весть распространяется, подобно кругам после брошенного в тихий пруд камня... и что дальше?

Он, бледный как смерть, спросил дрожащим голосом:

– И... что... дальше?

– Города наперебой сдаются, – сказал я. – Распахивают ворота и стелят в воротах красные дорожки из лучшего шелка. И нет больше убитых. Нет даже раненых! Ни моих, ни ваших. Вам не кажется, что это совсем небольшая цена за один разрушенный город? Даже крохотная? Остальные получу практически даром.

Он смотрел на меня и, я видел, не знает что сказать, а я изогнул губы в зловещей улыбке победителя, которому только дай повод, чтобы убивать, истязать и разрушать.

Альбрехт кашлянул, взглянул на меня с вопросом в очень серьезных глазах.

Я буркнул:

– Говорите, граф.

Он поклонился, заговорил очень мягко, словно гладил большую толстую и разнеженную кошку:

– Может быть, нашим дорогим гостям организовать прогулку в южную часть нашего лагеря, где расположились тролли?.. Это ударная сила нашей армии. Они первыми ворвутся в пролом, а по праву войны им и отдадим город на трое суток в полную власть...

Лорд Гилфорд и все истанвилцы быстро и страшно бледнели. Один из вельмож вообще пошатнулся, лицо стало зеленым. Его поддерживали со всех сторон, не давая позорно грохнуться на землю.

Лорд Гилфорд проглотил ком в горле, во взгляде впервые проступил панический ужас.

– Мне нужно переговорить со старшинами города, – проговорил он бледным голосом.

Я милостиво наклонил голову.

– Поговорите. Но запомните: не будут ваши дети и внуки говорить о вашей достойной гибели! Когда в ваши дома ворвутся мои люди, там будут уничтожены все до единого. Даже слуги, а уж ваши отпрыски – в первую очередь... Все, идите!

Они поклонились, отступили, а я замер в державной позе и смотрел вверх их голов, пока они все не скрылись из виду.

Растер довольно и хищно улыбался, как волк размером с носорога, затем бросил беглый взгляд на замершую эльфийку, пренебрежительно фыркнул и вышел.

Альбрехт подошел к пологу и опустил его, оставшись внутри, повернулся ко мне, лицо все такое же спокойно-невозмутимое, однако в глазах промелькнуло нечто, что мне совсем не понравилось.

Я кивнул эльфийке – можешь, дескать, больше не изображать, она тут же слезла и села рядом с Бобиком.

Альбрехт встретил мой прямой взгляд с той же настороженностью в глазах.

Я спросил сердито:

– Ну, что?

Он развел руками и проговорил с непривычной для него неуверенностью в лице и голосе, но, как мне показалось, нарочитой:

– А что... если бы столица не сдалась?

Я пожал плечами.

– Непонятно?

– Нет, – ответил он. Я посмотрел и ощутил, что он в самом деле не уверен, как бы я поступил. – Абсолютно.

Я поморщился.

– Граф, ну что вы, в самом деле... Конечно же, это был блеф. Но чертовски хороший, не находите?

Он кивнул.

– Даже слишком. Я поверил, и, думаю... не зря.

Я насторожился, посмотрел в его строгое и подчеркнуто бесстрастное лицо.

– Что вы хотите сказать, граф?

– Что вы в самом деле готовы такое совершить, – проговорил он медленно. Глаза его продолжали всматриваться в меня с прежней интенсивностью. – А это точно... был блеф?

Я крикнул зло:

– Точно-точно!.. Думаете, я в самом деле способен на такое? Кстати, спасибо за очень уместное упоминание о троллях.

Он медленно кивнул.

– Думаю, вы бы так и поступили?

Я едва не сплюнул.

– Граф!

– Может быть, – проговорил он задумчиво, – не сейчас... Но вы говорили очень серьезно и убедительно. Очень. Если даже я поверил...

– Всего лишь блеф, – сказал я внятно. – Все, граф, а то меня это начинает несколько... удивлять. Я имею в виду, что вы перестаете меня понимать! Это была всего лишь маска!

Он кивнул и отступил.

– Да-да, маска. Только смотрите, чтобы не приросла.

Он чуть поклонился и вышел. Полог за ним давно опустился, но я продолжал смотреть вслед зло и чувствовал, как сильно и тревожно бьется сердце. Барон, тьфу, граф либо перестает меня понимать, либо продолжает понимать даже лучше, чем я себя сам. Все-таки, когда предъявлял ультиматум, я говорил совершенно искренне, хотя и врал.

А сейчас сижу один, если не считать Бобика и эльфяшку, и холодный страх начинает проникать во внутренности, где овеществляется в тяжелую льдину.

Все, что я говорил, правда. Если со звериной жестокостью уничтожить сопротивляющийся город, остальные наверняка сдадутся. И я это говорил очень убежденно.

«Переговорить со старейшинами города» – это лишь для спасения гордости и чести, это понимали и мы, и сами истанвилцы понимали, что мы понимаем. В той мере, в какой это возможно в данном случае.

Через несколько часов городские ворота распахнулись, оттуда выехала на довольно мелких конях большая группа вельмож.

Палант закричал:

– Охрана!.. Подготовиться!

– Они без оружия, – сказал я. – И, как я вижу, из прежнего состава только лорд Гилфорд и граф Чарльз. Остальные предпочли увильнуть.

– Может быть, – сказал Палант нерешительно, – помуржить их в ожидании? Дескать, наш лорд отдыхает или в кости играет с эльфийкой?..

Альбрехт фыркнул:

– Тогда уж с троллями, что пришли с сэром Растером! Это звучит страшнее. Пусть потрясутся, что вы все-таки решили разграбить город...

Я отмахнулся.

– Победители не должны быть мелочными. Я приму их прямо сейчас.

Альбрехт промолчал, а Палант крикнул весело и звонко:

– Подготовить трон!.. Выстроить солдат!.. Лорды...

Они приблизились под бодрую дробь моих барабанов, все с белыми флагами, с лордом Гилфордом все так же четверо, эти все намного ниже рангом, видно по одежде, знатные постарались не участвовать в позорной сдаче города без боя.

Лорд Гилфорд приблизился, в руке кольцо размером с обруч десятиведерной бочки, десяток ключей каждый в десять дюймов длины, преклонил колени, поклонился и так пребывал довольно долго, словно не мог поднять голову и сказать то, что не позволяют гордость и честь рода.

Я ждал, хотя среди моих лордов пошел недовольный говор, наконец Гилфорд вскинул голову.

В лице его читались боль и страдание, а когда заговорил, мы все ощутили, как дрожит от сдерживаемых слез голос:

– Ваше высочество, вы одержали победу.

Я наклонил голову.

– Благодарю за признание.

– Я обращаюсь к вам, – сказал он вздрагивающим голосом, – как представитель Истанвила... и сообщаю, что вот ключи этого великого города, что передаю вам.

Он протянул связку, рука заметно дрожит, а лицо подергивается, лорд Гилфорд уже с трудом удерживается от рыданий.

Я не шелохнулся, но граф Альбрехт приблизился, взял ключи и сказал с холодной вежливостью:

– Лорд.

Когда он отошел и встал рядом с моим креслом, Гилфорд продолжил тем же рвущим душу голосом:

– Ваше высочество, я прошу вас быть милостивым к жителям, а также к тем, кто защищал город, и позволить им покинуть его без оружия и с тем имуществом, что унесут на себе.

– Позволяю, – ответил я как можно равнодушнее, но тут же добавил: – Хотя зачем? Мы никуда не уходим, пока не будет возвращена моя дражайшая супруга Ротильда Дрогонская, королева Мезины!.. А герцог Блекмор должен быть сперва наказан по всей строгости рыцарского суда. Жителям абсолютно ничего не грозит. Грабежей не будет, это обещаю. В город вообще не будут входить войска... так, во избежание. За исключением, конечно, людей благородного сословия.

Он поклонился, на лице проступило огромное облегчение.

– Благодарю, ваше высочество, от всех жителей города.

Я кивнул.

– Идите. Вы убедитесь, что с нами можно иметь дело.

Когда они ушли, Альбрехт повернулся, взглянул на меня в упор.

– Надеюсь, вам не приходит сумасбродная идея побывать в Истанвиле... а то и поселиться во дворце?

Я проговорил задумчиво:

– А почему бы и нет?

Он фыркнул.

– Дворец любого правителя напичкан ловушками, которые бездействуют в нужное время... и могут сработать в остальное. Думаю, герцог, как бы спешно ни покидал дворец, мог оставить много пакостей для захватчиков.

– И что вы предлагаете?

Он чуть откинулся, чтобы посмотреть на меня свысока, что при его росте вообще-то задача непростая.

– Разумеется, остаться в этом шатре, что и не шатер, а дворец!.. Уже и трон тут, с ума сойти...

Я вздохнул, посмотрел на притихшую эльфийку, покачал головой.

– Власть нужно не только захватить, дорогой друг! Важнее показать, что держу ее вот так!

Он покосился на мой сжатый кулак.

– Вижу. Не передуйте всех.

– А кто будет платить налоги? – спросил я. – Потому всех телохранителей во дворец, а также монахов и алхимиков. Сутки на подготовку, проверку и обезвреживание, а завтра гордо воссяду там и...

– Что?

– Узнаете, – ответил я загадочно, – дорогой мой придирчивый соратник!

Как я и обещал, в город вошли только рыцари, а все три армии не просто остались за вратами, а даже рассредоточились, небольшими отрядами начали распределяться по дорогам, взяли под охрану мосты и переправы.

Все герцогство не успело и опомниться, собраться для отпора, как оказалось расчленено клиньями вторгнувшихся войск. По моему указанию любое сопротивление подавляли сразу, в зародыше, ибо лучше сразу пролить малую кровь, чем чуть позже – большую, в том числе и свою.

Дворец герцога, к счастью, хорошо укреплен сам по себе, а еще высокая ограда вокруг обширного сада, что лишь называется садом, а так там лишь клумбы с цветами и низкорослый декоративный кустарник – нечего и думать, чтобы спрятаться.

Сперва, как и водится, вошли священники, очистили молитвами и святостью, затем поработали чернокнижники, вежливо называемые алхимиками, и последними пришли мои телохранители, что все перещупали, перетрогали, подвигали мебель и попрыгали на ложе, где спал герцог и где наверняка лягу я.

Герцог то ли был человеком со вкусом, то ли это сделали до него, но дворец в самом деле хорош, а апартаменты, оборудованные для него лично, поражают роскошью и хорошей отделкой, где все на месте и ничего лишнего, хотя золотых вещей, статуй и картин вообще-то в каждом из залов десятки.

Лалаэль пугливо обходила статуи громадных рыцарей, шарахалась от оскаленных морд медведей и вепрей, что смотрят со всех стен, наконец, совсем притихшая, присела в личных покоях герцога за стол и сказала жалобно:

– Неужели вы в таком ужасе живете?

Я сказал бодро:

– И в аду, когда обживешься, так совсем ничего!.. Не трусь, тебе здесь понравится. Смотри, как тихо, мирно и безопасно. В коридоре, можешь выглянуть, самые сильные и отважные воины, что охраняют нас с тобой!

– Тут даже стены страшные, – сказала она сердито. – Они же из камня, можешь себе представить?

– Правда? – спросил я пораженно. – Ух ты, в самом деле... Надо же! Ладно, привыкнем.

Глава 3

В одном, правда, мое обещание пришлось нарушить: в помощь городской страже я велел патрулировать улицы и нашим орлам, но рыцари скорее умрут, чем будут заниматься такой работой, потому около тысячи тяжеловооруженных пехотинцев было поручено блюсти мирный сон города.

С другой стороны, никакого нарушения, я обещал, что простые воины не войдут в город, имея в виду для развлечений, драк и грабежа, а вот так – это просто единицы по поддержанию правопорядка.

В Истанвиле, как и в любом другом крупном городе, всегда существуют преступники. В такое время воришки и грабители оживляются, что для меня весьма кстати.

На другой день, когда мы с Альбрехтом намечали планы насчет будущего герцогства, Растер ввалился, тяжелый, как вставший на задние лапы носорог в доспехах, перепугав эльфийку, и с удовлетворением доложил, что наши поймали воришек даже больше, чем городская стража.

– Прекрасно, – сказал я. – Просто прекрасно! Всех повесить на городской площади. Если не поместятся на старой виселице, срочно поставить новую, покрасивше.

Альбрехт тяжело вздохнул, поморщился. Растер посмотрел на него, потом на меня исподлобья.

– Сэр Ричард?

– Мы за прогресс и культуру, – объяснил я, – так что вешать придется много. И часто.

Он хмыкнул.

– Ну, если за культуру... А что графу не так?

Альбрехт снова скривился, я сказал презрительно:

– А он этот... интеллигент...

Альбрехт буркнул:

– Стоит ли показывать нас такими жестокими?

– Нужно, – подчеркнул я. – Обязательно. Во-первых, простой народ просто обожает, когда вешают, а не сажают. Когда повесили, всем понятно – больше воровать не будет. Все четко и понятно. Народ любит четкость. Кроме того, мне нужно выглядеть не просто строгим отцом народа, но еще и хотя бы на несколько дней просто кровавым деспотом, которому слова поперек не скажи.

Растер смолчал, но Альбрехт переспросил:

– Кровавым деспотом? Зачем?

– Кровавых деспотов, – объяснил я, – народ все равно любит и уважает. Почему – не знаю. Сперва я думал, что тиран на троне обычно душит лордов, а народ злорадствует, но вспомнил, что тех, кто душил точно так же и простых... и все равно и чтут, и славят.

Растер сказал:

– Так я пойду распоряжусь. Вы правы, сэр Ричард, город надо чистить. И вообще все страны.

Альбрехт подождал, когда за ним захлопнулась дверь, спросил с подозрением:

– Так зачем?

– Кое-что подготовил, – ответил я туманно, – а пока, дорогой Альбрехт, ввиду того, что вы быстрее всех находите общий язык с туземным населением, подберите из них хотя бы с полдюжины лордов, что коронуют меня.

Он охнул, отшатнулся, но затем так широко заулыбался, что это уже и не Альбрехт, а какой-то подменыш.

– Ого, наконец-то!

– Эрцпринцем, – договорил я. – Или... принцем. Пока думаю, еще не решил. Вопрос же важный, как думаете?

Он скривился, словно вместо вина хлебнул крепкого уксуса.

– Кем-кем?

– Что-нить принцевое, – ответил я. – Думаю, этого будет вполне весьма.

– Как скажете, ваше высочество, – ответил он с ехидной смиренностью. – Но... что-то случилось? Раньше вы не проявляли такого влюбленного пыла. А тут вдруг сами возжелали титул повыше, мантию погорностаивее...

– Надо, – отрубил я. – Ветер времени. И зов эпохи.

– Но мы можем, – предложил он, – и сами вас это... нет-нет, что вы так глазами! Я имел в виду коронацию. Три армии!.. Не только эрцпринцем, но даже... да кем восхотите!

– Местные тоже должны участвовать, – пояснил я. – Во-первых, любой принц повыше их герцога, а во-вторых... Кстати, а почему тут только герцоги, а никто никогда не объявлял себя королем?

– Какое-то заклятие, – ответил он равнодушно, – или проклятие, не помню. Слышал давно и краем уха. Так что во-вторых?

Я сказал мстительно:

– Узнаете после коронации.

Дворец герцога строился и совершенствовался, как заметно невооруженным глазом, на протяжении многих поколений. Так обычно и бывает, жизнь идет неторопливо, соборы вообще строятся по несколько веков. Эту неторопливую поступь я видел не только в некоторых деталях архитектуры, но больше чувствовал по уюту.

В то время как в большинстве королевских дворцов гуляют сквозняки, а зимой жизнь сосредотачивается в двух-трех комнатах, которые легче отапливать, здесь во всем громаднейшем здании с десятками залов и сотней комнат всегда тепло и сухо, а магический свет медленно загорается с наступлением сумерек и ярко горит всю ночь.

В первую же ночь я обнаружил свечи только в спальне, здесь освещать или не освещать – твое дело.

Интересно, что в верхних этажах, куда должен бы подниматься прогретый воздух снизу, он такой же и по свежести и чистоте, как и на первом, что значит, многие поколения что-то да добавляли к уюту.

Эльфийка ходила за мной, как цыпленок за мамой, всему изумлялась, но сама страшилась заглянуть даже в приоткрытую дверь.

– Ты, – повторял я настойчиво, – здесь хозяйка. Не гостья, а хозяйка. Даже когда я уеду, на тебя будут смотреть и наши, и местные, как на светлого ангела, и радоваться, что у них такое дивное существо...

Она вскрикнула, не слушая:

– Ты уедешь?

– Ну а как же? – сказал я досадливо. – Мужчины всегда уезжают по делам. Потом возвращаются с мамонтами на плечах. Я уеду, потом вернусь, потом снова уеду... поняла?

– Не поняла, – сказала она отчаянным голосом. – Зачем тебе уезжать?

– Потому что я человек, – объяснил я. – А это такая птица без перьев и с плоскими ногами. Вы, эльфы, сидите в своих гнездах, неважно – в лесу или в прекрасных горных дворах, а мы, люди, постоянно что-то ищем на просторах и всегда забираемся все дальше и глубже... Так что принимай этот мир таким, какой есть, ты сама решила заменить Мухтара.

– Мухтаэля!

– Ах да, Мухтаэля. Не упади, здесь ступенька...

За нами неотступно ходит охрана, прежнюю стражу дворца, как внешнюю, так и внутреннюю, Альбрехт сменил сразу же, поставив везде армландцев, эти так горды своим лордом, что их ничем не подкупить.

Пришлось заодно убрать и всех слуг, вместо них худо-бедно управлялись сами солдаты, но с другого дня набрали уже из местных, что счастливы из бедноты сразу скакнуть во дворец и будут держаться за свои хлебные места когтями и зубами.

Еще в первые же минуты пребывания во дворце, когда на входе только стражи, крепкие ребята с копьями в руках, а еще и видимый мне в тепловом спектре незримник, что просматривает всех входящих, как догадываюсь, с помощью всех амулетов, свисающих с него целыми гирляндами, я остановился и развернулся к сопровождающим меня лордам и военачальникам.

– Не будем тянуть, – сказал я громко, – собрать наших лордов и пригласить – именно пригласить! – графа Чарльза и тех истанвилцев, кто не захочет пропустить зрелище, о котором можно будет рассказывать внукам.

– Ваше высочество?

– Коронацию, – объяснил я, – а также кое-что еще.

Альбрехт бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал, хотя упоминание о сюрпризе не дает ему покоя. Хотя бы тем, что раньше от него тайн не было. Ну, так он считает, наивный.

Полдня я провел снова в лагере, встретился с главнокомандующими: Меганвэйлом, Шварцкопфом и Будакером, пригласил их на коронацию, войска велел теперь рассредоточить по герцогству, особенно обращая внимание на крепости и большие замки, где могут скапливаться вооруженные отряды все еще противника.

– Нас столько, – объяснил я, – что мы в состоянии перекрыть все дороги и даже тропинки. После коронации нужно побыть с недельку в полной боевой готовности, а потом можно будет и вложить мечи в ножны.

Меганвэйл, очень довольный великолепной воинской операцией, когда сражений практически нет, а захватываем богатые города и крепости бескровно, спросил беспечно:

– А что может случиться после коронации?

– Могут быть недовольные, – ответил я уклончиво.

– Вряд ли, – ответил он с той же несвойственной для него легкостью, – вы все предусматриваете!

Он и явившиеся с ним на встречу со своим лордом, которого они настойчиво выдвигали в короли Варт Генца: Арнубернуз, Фрондин, Буркгарт, Хельмут, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям – все смотрят так, словно у меня все решено на сто лет вперед и все камешки с дороги я уже убрал.

После ожесточенной войны с Турнедо, когда бои шли тяжелые, а получили в результате так мало, в то время как армландцы под моим руководством зацапали даже столицу, все теперь снова убедились, что под знаменем такого хитрого лиса можно малыми усилиями получать очень много.

Города, к которым подходили наши войска, поспешно откупались богатыми дарами и выплачивали золотом содержание оккупантов, выговаривая только одно: в города входят лишь военачальники, а простые солдаты, что могут разнести город и устроить резню, остаются в лагерях.

Дары пересылали мне, я благодарил и щедро распределял их среди высшего состава лордов, что вызывало их непрекращающийся восторг.

Собственно, я старался, полюбовавшись золотыми кубками и всякими изделиями из серебра и золота, возвращать тем же, кто их прислал мне. Так и справедливее, и меньше будет желание что-то утаить от дележа.

Простые солдаты тоже в восторге: не война, а прогулка, а то время как жалованье получают в удвоенном размере, будто каждый день сражения.

Вернулся я поздно, а когда поднялся на этаж и прошел по узкому коридору, где так хорошо держать оборону, там уже расположились гиганты в доспехах гномьей работы: розовощекий великан Умальд, Йомильд, Динальд, Лионель, Хрурт и Ульман, а распоряжается всеми сэр Переальд, указывает, кому где стоять, распределяет очередность дежурства и отдыха.

– Ваше высочество...

– Ваше высочество...

– Ваше высочество...

Я повернулся к ним и сказал сердито:

– Для вас, морды, я сэр Ричард!.. Хрурт, Ульман, вам не стыдно? Мы же друзья еще с Амальфи, когда я был безбаннерным!

Они заулыбались виновато, а Переальд развел руками:

– Сэр Ричард, все верно, однако...

– Что?

– Не мешает, – ответил он с улыбкой, – проверять... не изменилось ли что?

– Ну-у...

– Ладно-ладно, – сказал я, – кстати, что-то сэр Растер давно не попадался на глаза. Передайте, что жду у себя. Ах да, еще и сэра Паланта!

Едва я переступил порог, из кресла подхватила Лалаэль, я не успел хрюкнуть, как это пищащее небесно чистое существо оказалось у меня на груди в прямом смысле, то есть и задние лапки поджала, повиснув, как на дереве.

– Ты что так долго?

Я изумился:

– Долго? Так для эльфов год – час!

– Я живу среди людёв, – напомнила она.

– Людей, – поправил я.

– Но ты же говоришь «людёв»?

Я пояснил сердито:

– Мало ли что говорю. Это я так, выпендриваюсь. Или не выпендриваюсь... не знаю. Есть хочешь?

Она пропищала возмущенно:

– Что ты сразу есть? Я что, котенок, которого подобрал по дороге?.. Я дочь Верховной Жрицы!

– Ага, – сказал я, – значит, есть не будешь. Ну а я проголодался.

Она смотрела, как на столе появляются ломтики нежнейшего сыра, но как только я протянул к ним руку, ловко выдернула у меня прямо из-под пальцев всю стопку.

– А себе еще сделаешь, – сказала она победно.

– Неужели и среди эльфов есть воруги? – изумился я. – Всегда казалось, что эльфы – само благородство.

– Это просто игра, – возразила она с достоинством. – Воровать мы учимся у людёв... людей, но все как-то не получается.

В коридоре раздался топот, дверь приоткрылась, заглянул вполглаза Хрурт.

– Сэр Растер прибыл, – доложил он. – Впустить или гнать в шею, если вы передумать соизволили?

– Впустить, – велел я.

Появление сэра Растера я услышал, когда он поднимался еще по лестнице, приближение его к дверям моих покоев было подобно малому землетрясению, донеслись протестующие голоса, звон металла, и в комнату вошла, повернувшись боком, иначе не вдвинуться, гора железа, на которой висело двое стражей.

Непомерно громадный в своих боевых доспехах, что массивнее любых турнирных, он шагнул в комнату; мне почудилось, что пол под ним потрескивает, как молодой лед...

Лалаэль ойкнула и спряталась за меня, Растер хоть и без шлема, но от этого выглядит еще свирепее: голова квадратная, цвета гранита, черты лица грубо вырублены топором и зубилом, никакой тонкой отделки, нижняя челюсть напоминает гранитную глыбу.

– Сэр Растер, – поприветствовал я его довольно.

– Сэр Ричард, – сказал он.

– Сэр Растер, – обратился я к нему строго и торжественно, – мы люди войн и боевых труб, так что я к вам без мерехлюндий и флажолетов всяких, недостойных мужчин...

Он проревел таким густым голосом, что Лалаэль крупно задрожала за моей спиной:

– Я польщен, сэр Ричард!

– Мы – победители, – продолжил я. Растер при этих словах выпрямился и еще больше выпятил широченную грудь, на которой две-три расплющенные в виде доспехов наковальни. – И как победители изволим закрепить победу и показать местным, кто здесь кто!..

Он довольно крякнул.

– Надо это почаше...

В коридоре послышались торопливые шаги, затем приоткрылась дверь, Хрурт спросил:

– Сэр Палант?

– Впусти, – велел я.

Палант вошел, поклонился и застыл, но я махнул рукой на церемониал, здесь все свои, продолжил, обращаясь к Растеру:

– Дорогой друг, на вас возлагаю ответственнейшее задание, потому жалую вас титулом обербургграфа. Это чуть ли не единственный титул, что я пропустил на своем многотрудном пути!.. Даже жаль, но, увы, жизненный путь не переделать, как бы нам ни хотелось!.. Хотя нет, есть еще титул, которого я не познал... им я жалую сэра Паланта... Поздравляю вас, сэр Палант, с титулом ландхофмейстера!

Они оба смотрят несколько ошалело, чем-то похожие, недаром Растер считает Паланта своим лучшим учеником, кроме меня, разумеется.

Палант, более быстрый, пролепетал:

– Ваше высочество?

– У вас обоих, – сказал я, – особая роль в церемонии коронации! Вы, сэр Растер, будете стоять с моим мечом, а вы, сэр Палант, с державой. Постарайтесь не ржать, мероприятие серьезное.

– Ваше высочество...

– После коронации, – продолжил я строго, – буду раздавать пряники. Так что смотрите не осрамитесь. Главное, быть серьезными!.. И бабам не подмигивать, на это будет время потом.

Палант пробормотал:

– Спасибо за великую честь, но... лядей не разберут, пока мы там будем стоять?

Растер мощно рыкнул с укором:

– Палант, как не стыдно, у тебя же в лапе будет держава!.. Ну, хочешь, дам меч подержать?.. Нет, подержать не дам, но посмотреть дам!

С грохотом, словно по коридору пронесся подкованный конь, вбежал Хрурт.

– Ваше высочество! – прокричал он, отсапываясь. – Тьфу, сэр Ричард! Я подумал, вдруг вам интересно...

– Что? – спросил я, раздраженный долгими предисловиями. – Говори сразу!

– Отец Дитрих прибыл!

Я охнул и, вытолкав свежеиспеченных обербургграфа и ландхофмейстера в коридор, – все, свободны, – оставив и эльфийку без прикрытия, выбежал наружу и промчался по всем лестницам к выходу.

Во дворе две повозки, из одной уже вышли священники и суетятся возле второй. Оттуда выбрался, крихтя и шупая поясицу, отец Дитрих.

Его подхватили под руки, повели к дворцу, но я набежал навстречу со счастливым воплем:

– Отец Дитрих!..

Он остановился, я бережно взял его за пальцы и смиренно поцеловал.

– Сын мой, – сказал он со вздохом, – что ты творишь? Мне пришлось все оставить в спешке...

Я спросил встревоженно:

– Что-то случилось?

Он прервал:

– Ты знаешь, что случилось. Пойдем к тебе, поговорим. Думаю, ты уже прибрал к рукам и этот дворец?

Я ответил смиренно:

– Хорошо, передам под церковь.

Он вздохнул.

– Такой вертеп? Даже тебе в нем опасно для твоей неокрепшей души. Или наивно считаешь, что тебе уже все по плечу?

Мы прошли в сопровождении охраны во дворец, а оттуда прямо в покои герцога. Я заботливо придвинул кресло отцу Дитриху, ныне архиепископу Сен-Мари, но в то же время и верховному инквизитору, помог опуститься.

Он бросил быстрый и внимательный взгляд на замершую в испуге эльфийку, тень странной печали промелькнула в глазах, но ничего не сказал.

Слуги внесли еду и вино, я лично налил в золотой кубок и придвинул дорогому гостю. Отец Дитрих взял замедленным движением, в задумчивости посмотрел в чашу.

– Пожалуй, – проговорил он медленно, – я так устал, что не откажусь от кофе.

Я поперхнулся, закашлялся, переспросил:

– Кофе?.. Чашечку?

– Можно чашу, – ответил он. – Не слишком большую, а так... среднюю.

Глава 4

Я собрал хаотично разбегающиеся мысли, сосредоточился, перед священником стужился воздух, медленно образовалась простая глиняная чаша размером с кружку. Черный кофе едва не переливается через край, терпкий аромат с размаху ударил в ноздри.

Отец Дитрих взял обеими руками, явно грея ладони, отпивал мелкими глотками и смотрел на меня поверх чаши усталыми глазами, но взгляд был тревожен и ясен.

– Отец Дитрих...

Он прервал:

– Твою хартию я читал, читал. Я все читаю, что печатается в нашей типографии, а этот манифест просто изучил. Потому и поспешил прибыть.

Я спросил встревоженно:

– Что-то не так?

Он покачал головой.

– Церковь целиком за, я уверен, подпишется под каждым словом. Я уже отослал пару экземпляров в Ватикан. Но, сын мой, на тебя и так уже обратили внимание многие весьма влиятельные силы. А теперь тебе придется вообще... непросто.

– Какие мягкие слова подбираете, – сказал я. – Как будто до этого было просто!

– Просто, – ответил он. – Совсем просто. А вот теперь твоя жизнь превратится в ад.

Я воскликнул, шокированный:

– Отец Дитрих! Вы такие слова употребляете!

– Какие? – спросил он с интересом.

– Нецерковные!

Он сказал мирно:

– Архиепископом проще стать, чем святым. Своей хартией ты задел слишком многих...

Отдачу получишь не сразу, а вот приказ устранить тебя уже отдан.

Я охнул.

– Устранить? Я думал, только я такое словцо употреблял. Ах да, наша кроткая церковь не приемлет даже слово «убийство»...

Он поморщился.

– погоди, давай о тебе. Со мной семь монахов, они возьмут на себя защиту твоего дворца. Нет-нет, твои охранники останутся, но у монахов другое оружие. Они почувствуют любые проникновения с помощью магии и сразу же нейтрализуют.

Я спросил тревожно:

– Кто хочет моей гибели?.. Король Кейдан?.. Или король Вендоваера?

Он коротко усмехнулся.

– Ты сам недооцениваешь свою мощь. Помимо десятка королей ты встревожил различные тайные культы, что держатся старых взглядов. Ты разозлил многих магов, а после оглашения манифеста добавятся и могущественные лорды. А они, как ты уже давно понял, сильнее королей. Их сотни.

Волны холода охватывали меня с головы до ног и проникали в сердце. Я заставил себя держать голос ровным, когда проговорил через силу:

– Я не отступлю. Ибо прав зело.

Он не отрывал от меня испытующего взгляда.

– Ты прав, даже более чем прав. Словно сам Господь подсказал тебе слова этой хартии, пронизанной от начала и до конца милосердием и добротой...

Я поморщился: не люблю, когда меня называют добрым, я все еще не вышел из дурацкого возраста, когда играют за темных, а самые тупые из нас мечтают быть похожими на бандитов.

А я хоть гений и красавец, но дурь из меня иногда вылезает сама по себе и каркает во все воронье горло, за что потом бывает стыдно... через несколько лет, если вспомню.

– Отец Дитрих, – пробормотал я, – вообще-то я больше забочусь об экономической составляющей. Свободные люди работают всемеро больше рабов, вчетверо больше крепостных и втрое – чем подвластные местным лордам. Свободные вообще жилы рвут! Я просто стараюсь, чтобы на каждого человека в королевстве приходилось больше произведенного продукта. Тогда и он будет богат, и я... получу в виде налогов больше.

Он смотрел исподлобья, лицо не изменилось, хотя внутри, полагаю, поморщился. Я должен был хотя бы из вежливости сказать о страстной жажде принести людям добро, свет и щасте.

– Хорошо, – сказал он, – монахи, с твоего позволения, сейчас осмотрят дворец и перекроют святыми молитвами все ходы-выходы, в том числе и те, о которых ты и не подозреваешь.

Я пробормотал:

– Есть слух, что некоторые злодеи могут ходить вообще сквозь стены...

– Могут, – ответил он, ничуть не удивившись, – но эти люди после молебна моих людей войдут в стену и... там останутся. Очень простая молитва. Да и вообще это опасная способность для того, кто к ней прибегает. В стене долго быть нельзя, внутри стен путешествовать тоже... Нет-нет, есть куда более надежные способы проникновения в любую защищенную крепость или покои. Так что монахам не препятствуй, сын мой. Хотя, зная твой бунтарский нрав, я велел некоторым оставаться незримыми.

Я спросил настороженно:

– Даже от меня?

– У них обет молчания, – сообщил он. – Кстати, твою коронацию проведу я.

Я вскрикнул обрадованно:

– Отец Дитрих!.. Наконец-то не самозванное нечто, а действительно легитимное!

Он усмехнулся, покачал головой.

– Это всего лишь титулы. Но, ты прав, пока они властвуют над людьми, мы будем их использовать. У тебя, как я понимаю, все готово?

– Тороплюсь, – признался я. – Вернее, спешу. Так много еще надо сделать!

Он кивнул.

– Народ уже созвал?

– Велел пригласить, – сообщил я. – К обеду должны собраться.

Он прислушался к говору за окнами.

– Тогда пойдем.

В большом зале отдельной группой держатся высшие и верховные лорды: графы Альбрехт, Клемент, Меганвэйл, Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, бароны Будакер, Хельмут, Бредли, военачальники Габрилас, Елиастер, Фитцуильям, Бэрбоун, Харли Квинн и Джижес Крейст; отдельной группой держатся военачальники скарляндской армии: Шварцкопф, Ханкбек, а также практически все вожди племен, а вон те немногие из турнедцев, что здесь, а не с рейнграфом Чарльзом Мандершайдом и стальграфом Филиппом Мансфельдом... Они практически смешались с армландцами, помнят, что отныне их армии едины.

Дальше всех от трона оказались барон Джижес Крейст, виконт Кэвин Майкл, барон Уильям Ланкашнер и остальные шателленцы, прибывшие на мой зов.

Эльфийка, едва не падая на каждом шагу в обморок от ужаса, шла со мной рядом, мелко перебирая задними лапками, в церемонном платье принцессы, золотые волосы туго заплетены в косу, получилась толще руки взрослого мужчины, вся переплетена лентами, это имитация целомудренного платка, тужельки служанки подобрали ей на самом высоком каблуке и полдня учили ходить, не падая и не хватаясь за стены.

Ноги ступают по красным коврам, проложенным длинной дорожкой под сень роскошнейшего балдахина, воздух наполнен ароматами ладана, везде блеск золота, как от украшений на стенах, так и от богатых одежд, где золотые цепи и бляхи выставлены напоказ.

Под балдахином блистают роскошью богато инкрустированные серебром и золотом два трона, которые с удовольствием присвоил бы даже император.

Вообще-то я собирался короноваться в одиночку, но когда увидел, что их два, то сразу же пришла дикая идея: а почему нет? Пока меня ангелы с рогами будут носить по свету, здесь продолжит сидеть принцесса Лалаэль. И лордам приятнее преклонять колени перед безумно красивой трепетной эльфийкой.

Когда подошли к трону, я тихо прошепел:

– Садись.

Она шепнула в ответ:

– А ты?

– Садись, – прорычал я шепотом, – а то удавлю.

Она испуганно села и выпрямила спинку, от страха не решаясь смотреть в зал, а устремила взгляд вверх голов, что вообще-то правильно, это настоящий королевский взгляд.

Я сел в свое кресло, напомнил себе, что эльфийке кто-то должен преподать правила этикета.

Справа от наших кресел встал сэр Растер, теперь обербургграф, в руках церемониальный меч, а слева – сэр Палант с державой на ладони, для этого случая возведенный в ландхофмейстеры, и, как я понимаю, эта одноразовая в моем случае должность к нему прилипнет и будет сопровождать всюду под хаханьки друзей.

В двух шагах от него выстроились особо благородные лорды, то есть командующие моих армий, а все остальные заняли зал и вдали стоят в проходе. Арнубернуз, что от щедрот души тоже помогал с церемонией, сообщил вчера насчет четырех тысяч людей благородного сословия, которые придут на коронацию.

Я указал распорядителю на группу шателленцев и велел подвести их ближе, они – добровольцы, а такие люди всегда выше получающих жалованье.

Барон Ланкашнер поклонился издали, благодаря за мой великодушный жест. Остальные сняли шляпы и склонили головы, дескать, польщены высоким вниманием и такой оценкой их побуждений. Молодцы, все поняли правильно.

Еще я зорко углядел в глубине зала ламбертинцев лорда Джонатана Гилфорда, лорда Унгвуда Маутбеттена, герцога Блекмора, лорда Камберлендского и графа Чарльза, эти просто пришли посмотреть на коронацию, но я велел Хрурту со всем почтением пригласить их в передний ряд почетных гостей.

Я уселся на трон, хотя интронизацию еще не прошел, пропустим еще и обряд венчания на власть. Это в других странах, более благополучных, коронацию приурочивают к весне или к лету, а здесь нужно сразу, герцогство не может существовать без властелина законного, утвержденного церковью. Здесь некоронованный – это незаконный, безблагодатный и нелегитимный, которому подчиняться вовсе не обязательно, даже совсем наоборот...

Отец Дитрих, наскоро облачившись в празднично-парадные одежды, вышел из боковой двери, за ним потянулись прибывшие с ним священники, все молодые, «юноши бледные со взором горящим», настоящие подвижники даже по виду, как только отец Дитрих ладит с такими фанатиками при их бросающейся в глаза бескомпромиссности...

Я ждал, сидя на троне и не двигаясь. Альбрехт, ехидно улыбаясь, сообщил шепотом, двигая одной стороной рта, что меня ждет обязательная подбитая горностаем мантия из золотой парчи с вышитыми львами, жезл, бриллиантовая корона, а теперь добавились еще и знамя Ламбертини, меч Победы с уникальной рукоятью, сделанной лучшими ювелирами герцогства, в

навершии огромный рубин дивной чистоты, посмотрите, ваше высочество, каким мрачным и победным огнем горит, и алмазная цепь с огромным медальоном.

– Ничего, – шепнул я, – вот возьму в руки и отыграюсь. На вас.

Серебряно протрубили трубы, в зал вошли распорядители и знатоки церемониала.

Хор мальчиков красивыми детскими голосами, чистыми и невинными, запел что-то церковное, явно псалом, как мне сказали почтительно, сотый, вот уж не думал, что их столько и что эта тягомотина – псалом, затем отец Дитрих взял с подноса корону с бриллиантами.

Я с неприязнью смотрел на это произведение искусства, с мужской точки зрения такое же бесполезное, как накладные ногти у женщин или стрижка пуделя. Корона из твердого золота и четырехсот сорока четырех камней, как мне сообщили шепотом, весит пять фунтов, я некстати вспомнил, что из-за такой вот тяжести королева Виктория и Эдуард VII отказались от таких вот «правильных», опасаясь за свои шеи, их короновали обоим сильно облегченными, но у меня шея крепкая, да и разгуливать в таком уборе не планирую...

Отец Дитрих прочел вдохновенную проповедь, после чего приблизился ко мне сбоку с короной в руках. Я смотрел прямо перед собой в зал, там около четырех тысяч человек, половина из них – ламбертинские лорды и знатные люди, к голосу отца Дитриха прислушивался слабо, все равно мне раскрывать рот пока нельзя, но когда он заканчивал речь, я поднял руки, властно взял корону из его дрогнувших от неожиданности пальцев и надел себе на голову.

В зале прокатился говор, иные из моих лордов прячут улыбки, но гордо расправляют плечи, мой жест говорит многое.

Отец Дитрих опешил лишь на мгновение, но договорил ритуальную фразу так же торжественно и тем же размеренным голосом, после чего перекрестился, а хор по знаку церемониймейстера дружно грянул «Аллилуйя!».

Я дождался, когда прозвучит последняя нота, красивая и торжественная, поднялся, красивым жестом откинул горностаевый плащ за спину.

– Дорогие друзья, – сказал я громко. – Когда говорю о друзьях, я включаю в их ряды и ламбертинских лордов... как всех честных и достойных людей герцогства!.. Я приготовил для вас щедрый подарок, которому вы будете рады, не сомневаюсь... Но сперва закончим с церемонией.

Из толпы собравшихся ламбертинцев вышел лорд, преклонил колено и сказал ясным голосом:

– Я, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, приношу присягу верности принцу Ричарду и клянусь соблюдать его интересы, как и свои! Да покарает меня Господь, если я нарушу свое слово, да буду я окружен всеобщим презрением!

– Прекрасно сказано, граф, – обронил я милостиво, – ваши слова говорят о вас как о человеке чести и благородства. Да будут они примером для остальных жителей герцогства! Со своей стороны клянусь защищать и охранять ваши права, как свои собственные, да будет Господь тому свидетель.

Он поцеловал мне руку с перстнем и вернулся к ламбертинским лордам, а они выходили один за другим и повторяли с незначительными вариациями сказанное лордом Чарльзом.

Я наблюдал внимательно: большинство приносят присягу искренне, все-таки герцог запятнал себя недостойным обращением с леди Ротильдой, но это бы простили, если бы принесло успех, однако низложенная королева проявила редкое упрямство, а этот сэр Ричард, хоть и находится за двумя королевствами, внезапно ощутил себя слишком оскорбленным, чтобы стерпеть такое обращение даже с временной супругой.

Но последнее, что отвратило лордов от герцога, это его неумелые переговоры со мной, а потом постыдное бегство. Почти все сочли, что это освобождает их от клятвы верности, а раз так, то имеют полное право принести ее мне, более могущественному и удачливому, а теперь еще и получившему из рук архиепископа корону принца.

Да еще как получившему! Думаю, слух о таком жесте будет передаваться по герцогству от рыцаря к рыцарю и даже проникнет в простой народ, и каждый поймет, что с таким правителем и они будут сытыми и богатыми, а кто пойдет против – быстро лишится головы...

Отец Дитрих совершал миропомазание, мощно запахло елеем. Донеслись мощные удары в колокол, тут же по всему городу подхватили другие, помельче, а потом зазвонили и за его стенами, оповещая о великом событии: отныне герцогство повышается в ранге, а еще обещано, что станет вообще королевством.

В зале прогремели фанфары, а еще резко и торжественно с какого-то перепугу простукали военные барабаны и отгрохали свое литавры.

Сэр Ульрих наклонился к моему уху.

– Ваше высочество, – сказал он и быстро облизнулся, – сейчас на площади начинается гулянье. Народ угощают жареными быками, начиненными курами и утками!.. А сэр Альбрехт разбрасывает горстями серебряные монеты в толпу.

– Хотите сбегать? – спросил я шепотом.

– Хочу, – сообщил он. – Но не пойду. Вдруг тут дадут больше?

Я одарил его недовольным взглядом, поднялся. Сэр Палант подал на золотом подносе малую корону.

Уже будучи принцем, я сам совершил предусмотренный законом упрощенный до предела обряд над эльфийкой, попросту надев на нее корону поменьше и велев взглядом сидеть и не пикать.

Все ждали, глядя на меня неотрывно, а я произнес громко и властно, как диктуют принявшие на себя полномочия:

– Сэр Палант, подайте сюда мою хартию!

Он протянул мне рулон, перевязанный красной лентой и скрепленный печатями.

Я принял, не отрывая взгляда от собравшихся в зале, и, пока пальцы срывали печати, сказал с воодушевлением:

– Это Магна Чарта! Великая Хартия Вольностей!.. Отныне это будет основополагающим документом для всего, что вам взбредет в безумно мудрые головы!.. Это установления законности, правопорядка и гарантии личных прав и свобод населения. Под населением имеются в виду не только люди благородного сословия, но и все-все, исключая женщин, детей и сумасшедших.

Глава 5

У всех вытянулись лица: как-то привычно ожидается шумный и бестолковый пир, когда можно долго и бездумно пить и есть в три горла, веселиться, слушать песни и самому орать их, а тут какие-то новые законы...

– Зачем это нужно? – спросил я. – Все вы, наверное, знаете недавний случай, когда ваш ламбертинский барон Капотенд хотел занять у старейшины гильдии кожевников денег, но тот отказал, сославшись на трудные времена. Барон велел схватить кожевника и бросить в личную тюрьму, где каждый день вырывал у него по зубу, пока несчастный не согласился продать все свое имущество и отдать деньги барону...

Все молчали, только граф Дэниэл Чарльз, теперь уже мой лорд и мой подданный, ответил осторожно:

– Ваше высочество, тот случай вызвал недовольство у знати. Барону указали, что так поступать нехорошо даже с простолюдинами. Мы все, как говорит церковь, должны быть добрее...

Я перебил зло:

– Добрее?.. В законности нет ни добра, ни зла – закон должен быть выше! Я, когда узнал про выходки этого барона, я велел схватить его и повесить на воротах его же замка!

Все охнули и застыли, глядя на меня выпученными глазами.

Я прорычал люто:

– Что?.. Это было месяц тому?.. И закон не имеет обратной силы? Да, все верно, не имеет. Это был единичный случай, просто для наглядного примера, а то многие как-то не понимают даже простые вещи!.. Отныне закон будет равен для всех!.. Мастеровой не смеет оскорблять ни словом, ни действием знатного лорда, но и лорд, даже самого высокого ранга, не смеет оскорблять человека даже самого низкого звания!.. По крайней мере, без веских на то оснований. Иначе тот имеет полное право обратиться в суд... Об этом отдельный разговор, я потом объясню, что такое суды присяжных. За соблюдением всех правил, и чтобы лорд не мог надавить своей властью на бедняка, проследит моя нехилая оккупационная армия!.. Итак, лорд Палант, прочтите все пункты Великой Хартии Вольностей!.. И да возьмет дьявол душу того, кто посмеет ее нарушить!

Палант развернул рулон и начал читать громко и важно, явно гордясь честью, выпавшей на его долю:

– Я, Ричард Длинные Руки, Божьей милостью принц Ламбертинии, эрцфюрст Варт Генца, рейхсфюрст Скарляндии, маркграф архипелага Рейнольдса...

В зале слушают так, что стараются не пропустить даже шелест бумаги, когда Палант проворачивает свиток.

Титулов много, но я нарочито перечислил их все, ибо то множество, что раньше смешило – все дураки обожают постебаться, – на самом деле передают мощь и величие того, кому принадлежат, потому я перечислял добросовестно, ничего не забыл, упомянул даже свои замки в Амальфи и владение Ганслегера, лишь про маркизат Черро умолчал по понятным причинам.

В зале никто не шелохнется, а голос разносится всюду, отражается от стен и возвращается слабым эхом, создавая объемность.

Все слушают внимательно и стараются не пропустить ни слова. Никто не знает, кроме отца Дитриха и ряда монахов, что уже отпечатаны и готовы к развозу по городам эти манифесты. Я старался, но не сумел уместить на одной странице, так как это не Закон, а некий акт, на основании которого и будут приниматься многочисленные законы.

Закончив с титулами, Палант долго перечислял, как принято по формуле, что адресовано это архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного

ведомства, шерифам, бейлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим, хотя можно бы просто «народу» или «населению», но не поймут, обидятся.

– Знайте, – читал он напористо, – что мы по Божьему внушению, и для спасения души нашей в честь Бога, и для возвышения святой церкви, и для улучшения жизни по совету достопочтенных отцов наших отца Дитриха, Сен-Маринского архиепископа, примаса всей Армландии, Турнедо, Варт Генца, Скарляндии отца Тибериуса, настоятеля монастыря цистерцианцев...

Я не случайно в первую очередь перечислил духовных лиц и всячески подчеркивал, что Великая Хартия Вольностей – это воля и желание самой церкви, и кто воспротивится, тот воспротивится самой церкви, а уж потом мне, а я за церковь кого угодно порву, как Бобик тряпочку...

Затем Палант долго и усердно перечислял благороднейших лордов, в присутствии которых оглашена эта Хартия, тем самым как бы зачисляя их в мои соавторы, мол, раз не спорят и не орут «Долой!», то они целиком «за».

Вообще-то они и в самом деле «за», Хартия касается только герцогства Ламбертиния, на которое я пылаю праведным гневом за вопиющее нарушение законов... Ну, хотя герцог вроде бы ничего не нарушил, кроме общего Божьего закона, а также рыцарского устава быть защитником женщин, но разве это не должно вызвать гнев всякого, кто считает себя рыцарем?

Я слушал внимательно и как бы со стороны, все-таки первый пункт Хартии я в самом деле нагло содрал из той первой, которую принял король Иоанн, названный герцогом Мальборо, лордом Уинстоном Черчиллем в своем труде «Рождение Британии» сообразительным, терпеливым и проницательным.

Там было сказано:

«Во-первых, дали мы перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили на вечныя времена, чтобы церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосновенными, что явствует из того, что свободу выборов, которая признается важнейшей и более всего необходимой церкви, мы по чистой и доброй воле пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтверждение ея от папы Бенедикта Четвертого, которую и мы будем соблюдать, и желаем, чтобы ее добросовестно на вечныя времена соблюдали».

Палант читал громко и торжественно:

– Вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наследство, каковым наследством муж ее и сама она владели в день смерти мужа, и пусть остается в доме своего мужа в течение сорока дней после смерти его, в течение которых ей будет выделена ее вдовья часть.

Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа, так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньора, от которого она держит, если она от кого-либо другого держит...

Эльфийка едва не падала в обморок от всего пережитого, я кое-как довел ее до наших покоев, держа почти на весу, а там она рухнула в кресло и смотрела бессмысленным взором, как на меня насел обиженный Бобик, оскорбленный донельзя, что его заперли на это время, а потом ринулся на нее и, как ни пищала и ни закрывалась, ухитрился облизать ее мордочку.

– Что это было? – пискнула она, когда Бобик отстал, попрыгал вокруг нас и лег.

– Это Бобик, – пояснил я.

Она сказала обиженно:

– Ты что, считаешь меня совсем дурой?

– Считаю, – признался я. – А что, разве ею быть плохо?

– Не знаю, – ответила она с великим достоинством, – не была ни разу. Что там происходило? Зачем эта тяжелая штука у меня на голове?

Я бережно выпутал корону из быстро распускающихся, как цветы под теплым солнышком, волос, положил на стол.

– Отныне ты, – пояснил я, – принцесса. Хотя по статусу ты и так принцесса эльфов, если сделать поправку, у вас же Верховная Жрица правит наравне с королевой? Но королевы у вас нет, а Верховная Жрица – есть. Так что ты, как эльфийская принцесса, обрела еще и аналогичный статус у людей. Людём, как говоришь...

– Это не я, это ты говорил!

– Ну я, – согласился я. – Должен же я, как политик, перекладывать на других?.. Просто обязан. Это профессиональное. Теперь о твоём статусе... Я до конца еще не продумал, а если честно, вообще не думал, я больше по озарению, весь из себя такой озаренный и озаряемый вспышками гениальности, которую никто не понимает, да и сам только потом на лестнице понимаю... В общем, твой новый статус в качестве принцессы Ламбертини обещает громадные выгоды и преимущества по сравнению с... ну, с чем-то, еще не продумал, не до того. Я же говорю, у меня все на интуиции и постоянных вспышках, озарения, что раньше были всего раз в тысячу лет, а теперь уже раз в десять быстрее...

Разговаривая, я пытался сделать хотя бы чашку кофе, не получается даже с моей возросшей мощью и опытом, недостает сосредоточенности.

Эльфийка смотрела встревоженно, когда я внезапно оборвал себя на полуслове и уставился державно-тяжелым взглядом на стол, словно вижу гибель цивилизаций и уже принимаю меры.

Наконец появилась большая чашка с кофе, а на той стороне стола огромная вазочка с изящными воздушными шариками сливочного мороженого, украшенного свежими ягодами клубники, земляники и голубики, а еще дроблеными орешками.

Она тут же вылезла из кресла и подсела к столу. Я пил большими глотками и продолжал ломать голову, прикидывая, какая реакция будет в первую очередь и где придется латать сначала, а где потом.

Вообще-то та, первая Хартия Вольностей, о которой я слышал в детстве, была направлена также и на ущемление прав короля, однако я такие абсурдные пункты включать в текст не стал.

За соблюдением правопорядка и законности кто-то да должен следить, так что я лишь расширил статьи о недопустимости ареста, о заключении в тюрьму, лишении владений, объявлении вне закона, изгнания или любого другого утеснения иначе как по приговору равных, то есть суда присяжных.

Массу отпечатанных в типографии Сен-Мари экземпляров гонцы на следующий день начали развозить во все концы герцогства, а там приколачивали на городских площадях на столбах и воротах городских управ.

Дверь распахнулась, на пороге появился сэр Переальд, взглянул сперва, как тут я, в безопасности ли, доложил мрачно:

– Сэр Бальдфаст Бредли, ваше высочество.

– Пропусти, – сказал я, – он по моему вызову.

Переальд отступил, через пару секунд порог переступил сэр Бредли. Дверь за ним захлопнулась.

Он не сказал, что стража у меня серьезная, даже не повел бровью, лишь поклонился по-военному коротко.

– Ваше высочество...

– Лорд Бредли, – сказал я нетерпеливо, – время поджигает, потому сразу к делу. Мы принесли в эти земли законность и справедливость. Но простой люд еще не готов к переменам, слишком уж внезапны, а лорды придут в ярость и попробуют оказать сопротивление...

Он смотрел исподлобья.

– Ваше высочество?

Я сказал жестко:

– Вы в Варт Генце умелыми и весьма быстрыми мерами предотвратили гражданскую войну, при которой горела бы вся страна, люди гибли бы сотнями тысяч, исчезали бы целые города...

Он не дал мне договорить, поклонился и сказал, не поднимая глаз:

– Я все понял, ваше высочество. Вы должны дать возможность простому населению осознать свои свободы и подготовиться.

– Именно, – сказал я с облегчением. – А до этого времени законность и порядок поддерживаем мы. Для нас здесь не существует неприкосновенных!..

Он снова взглянул исподлобья.

– Ваше высочество?

Я пояснил все так же властно и жестко, демонстрируя, что у меня сомнений нет, потому не должно их быть и у него:

– Графа, барона или простолюдина вздергивайте за неповиновение на одинаковой веревке и одинаково быстро. Чтобы не успели возмутить вокруг себя народ!.. Ввиду военного времени вы будете судьей, прокурором и защитником. Это относится не только к Истанвилу, но и всему герцогству. Даю вам все необходимые полномочия. Бумаги получите у сэра Альбрехта.

Он чуть вздохнул.

– Хорошо, ваше высочество. Исполню.

– Это не навсегда, – сказал я быстро. – Может быть, совсем недолго! Но от жестокой диктатуры и попиранья свобод лордов нужно отходить не раньше чем общество готово будет принять власть. Иначе все наши усилия будут напрасны.

Он выпрямился.

– Разрешите выполнять?

– С Богом, – сказал я. – Рассчитываю на вас, сэр Бредли. Рассчитываю.

Он поклонился быстро и коротко, тут же вышел. Слышны было в коридоре его четкие и уверенные шаги.

Я подумал, что против Великой Хартии Вольностей в принципе должны быть даже мои самые преданные сторонники из числа владетельных лордов.

До этого я рискнул только на одно-единственное нововведение, что тоже вызвало гнев и сопротивление: сбор налогов в государственную казну. И то решился только в так называемых покоренных королевствах: Сен-Мари и Турнедо, а затем, виртуозно используя угрозу гражданской войны, – в Варт Генце и Скарляндах.

Но в Армландии, где я сюзерен на общих основаниях, лорды по-прежнему собирают налоги со своих земель в свой карман, мне же ни копейки. Зато, если считают нужным, они поддерживают меня своими дружинами. Но могут и в любой момент собрать свои отряды и вернуться в Армландию, оголив важные участки фронта.

К счастью, я успел, хоть и в последний момент, с созданием королевской армии, которая подчиняется только мне. Но даже в Сен-Мари и Турнедо не могу ввести Великую Хартию Вольностей... Нет, могу, но все-таки придется преодолевать сопротивление тех лордов, что уже верно и преданно служат мне: Арчибальд Вьеннуанский, единственный сын могущественного лорда Чарльза Фуланда, сам герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, Людольфинг Фортескью, в Геннегау по ту сторону площади напротив королевского дворца роскошный особняк Фридриха Рюккерта, владетельного лорда, замок его в землях Алых Маков,

в Геннегау собственный дом, при Кейдане был его приближенным, а сейчас верно служит мне, лорд Вильгельм Рошер, лорд Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, лорд Бенедикт Карберидж, барон Френк Ховард, юный отпрыск знатного рода Холбергов, верховный лорд Джералд Бреннан, очень богатый и могущественный землевладелец, лорд Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, тоже из богатых и влиятельных родов, по своему могуществу и влиянию по-прежнему занимают высокое положение и оказывают заметное влияние на жизнь в Сен-Мари...

А как отреагирует герцог Вирланд Зальский, граф Устурийский, что владеет огромными землями на севере страны? С ним только-только начали складываться отношения, но при недовольстве мной он может уйти в свою неприступную крепость Аманье, к нему начнут стягиваться недовольные лорды со своими войсками.

Оживятся советники Кейдана – герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери, да и сам Кейдан может воспользоваться моментом.

Уж молчу про Ундерленды, что моментально объявят о независимости от Сен-Мари, а там лорды, что были моей опорой: сэр Трандерт, сэр Витерлих, Анри Готмар, Бовман, граф Биллун...

Нет, только здесь, в герцогстве. И все необходимые реформы проводить как можно быстрее и увереннее. Никто из местных лордов не должен и помыслить, что трушу и колеблюсь, что готов отступить, если вдруг решатся и сумеют выступить единым фронтом.

– Ты зачем такой злой?

Я вздрогнул, выныривая из воображаемых битв, вернулся в эти уютные покои сволочного герцога, – умел устраиваться, гад. Эльфийка уже дожрякала мороженое, перевела дух и тайком утащила у меня чашку с кофе.

Вообще-то я люблю смотреть, как она пьет. Смешно держит обеими лапками и осторожно отхлебывает, поглядывая на меня поверх нее настороженно, как зверек, готовый услышать «брысь» и метнуться в норку.

Я нарочито наливал ей по самый ободок, даже с горкой, так что лишь поверхностное натяжение не позволяет перелиться через край, и она осторожно вытягивает верхнюю губу, опуская ее, как бабочка в нектар, а на меня поглядывает сердито, догадываясь, что это такое жалкое людское издевательство над благородной эльфийской расой.

– Ты останешься здесь, – объяснил я. – Дворец не уступает королевскому, и в нем должен быть хозяин. Ты и будешь им.

Она подпрыгнула, едва не расплескав кофе.

– Я? Хозяином?

Я сказал великодушно:

– Так и быть, хозяйкой.

– А ты?

– У меня браслет Гонца, – объяснил я честно. – Из любого боя смогу прыгнуть сюда к тебе. Ты останешься как символ новой жизни для ламбертинцев! Прекрасная эльфийка в роли королевы! Или герцогини, неважно. Хотя вообще-то уже принцессы. Все менестрели сразу начнут изощряться, кто круче балладу задвинет!

Она вскрикнула в ужасе:

– Я ничего не умею!.. Ты шутишь?

– Ничего и не надо, – утешил я. – Хуже, если бы что-то умела. Я им такую Хартию Вольностей всобачил, что всех заставит работать впятеро больше, но по их собственной воле. Так что скоро Совет будет собран действительно из умнейших, вне зависимости от их знатности. Они и будут руководить герцогством на всех уровнях. Ты пей, не отвлекайся. А я посмотрю на этот цирк.

– Страшно, – сказала она умоляюще. – Я лучше с тобой на коне.

– Низзя, – отрезал я. – И так уже начинают хихикать, что вожу ребенка с собой.

– Я не ребенок!

– А с виду? – спросил я. – Мужчины знают, что внешность женщины обманчива, но не хотят верить. Но я буду появляться сюда часто. А ты постепенно войдешь в курс.

В двери заглянул Переальд:

– Ваше высочество, к вам отец Дитрих.

– Проси, – сказал я.

Эльфийка боязливо затихла и отодвинулась. Когда дверь отворилась и вошел отец Дитрих, я поспешил навстречу, а Лалаэль смиренно поднялась и опустила глазки, как и передние лапки.

Глава 6

Отец Дитрих коротко благословил меня, на эльфийку бросил беглый взгляд и тут же забыл о ней, как и о красивом ковре во всю стену за ее спиной.

– Сюда, – приговаривал я, – сюда, отец Дитрих... Герцог умел устраиваться, дворец у него побогаче иных королевских... Вот это кресло как будто для вас сделано...

Он сел со вздохом облегчения, я тут же сунул ему в руки листки с подчеркнутыми или даже обведенными красным абзацами Хартии Вольностей.

– Это те, на которые я намерен обратить особое внимание...

Он поднял на меня взгляд ясных глаз, лицо усталое, но все равно полное жизненной силы.

– Надо ли было выхватывать корону? – спросил он с мягким укором.

– Это случилось почти произвольно, – ответил я виновато.

Он хмыкнул.

– Думаю, не совсем уж и так.

– Отец Дитрих?

– Сын мой, – сказал он, – ты соображаешь быстро. И даже действуешь иногда раньше, чем сообразил... что сообразил. Это я к тому, что наверняка пришло в голову, как надо показать лордам, что хозяин положения везде и во всем именно их сюзерен Ричард. Даже церковь, дескать, не выше.

Он покосился на замершую эльфийку, что так и не пошевелилась, вздохнул.

– Отец Дитрих, – запротестовал я и тоже бросил на нее взгляд. – На такое кощунство я никогда не пойду!

– Но что-то же заставило так поступить?

Я вздохнул.

– Не знаю... Не знаю, зачем мне понадобилась эта мальчишечья выходка. Наверное, воспоминание детства... Как-то читал, что когда-то один великий завоеватель древности по имени Бонапарт решил короноваться, причем – сразу императорской короной, для этого вызвал к себе папу римского. Тот начал обряд, но когда корона уже была над головой Наполеона, тот внезапно выхватил ее из рук опешившего папы и сам надел себе на голову. Тем самым подчеркнул, что ни от кого не желает получать эту милость, даже от папы. Сам завоевал много королевств и стал императором по своей воле.

Отец Дитрих слушал внимательно, кивнул, сказал без всякого раздражения:

– Ну вот, я же говорил.

– Отец Дитрих, – спросил я встревоженно, – вы сильно обиделись?

Он покачал головой.

– Не сильно, хотя это и вызвало смешки. Хотя, конечно, мне больше нравится поведение императора Карла Великого.

– В день коронации? – спросил я.

– Да, – ответил он. – Карл прибыл в Рим, чтобы спасти его от захвата Византией, а когда зашел в базилику и опустился на колени перед алтарем, к нему сзади подкрался папа Лев Третий и неожиданно возложил ему на голову императорскую корону, чему Карл Великий был весьма удивлен.

Я фыркнул.

– Так я и поверю. Он ведь стал таким образом легитимным правителем всей Европы и... не ожидал?... Ладно, корона короной, но главное – реформы.

Эльфийка наконец решилась сдвинуться, пропищала очень отважно, хоть и дрожащим голосом:

– У вас очень болят ноги... Нужно скрестить...

Отец Дитрих посмотрел на нее внимательно.

– Как почуяла?.. Хотя это неважно. Уже и скрещивал, и вытягивал... Но так еще больнее.

Я посмотрел на него, на нее.

– А если еще раз?

Отец Дитрих слабо усмехнулся, с некоторым трудом закинул вытянутую ногу на другую, сразу же поморщился.

– Ну вот, теперь вообще...

– Потерпите, – сказала эльфийка настойчиво. – Еще немного... еще... Я же чувствую...

Он кривился все сильнее, уже взялся обеими руками за ногу, намереваясь вернуть в прежнее положение, но прислушался, застыл в такой позе, затем убрал руки и медленно разогнулся.

На лице его вместе с облегчением проступило удивление.

– А в самом деле... гм...

– Нога ноге помогает? – спросил я. – Или встречный пал, когда одна боль побеждает другую, а сама дохнет от слабости?

Он покачал головой.

– Неважно как, главное – полегчало. Это существо понимает в лечении?

Я сказал бодро:

– Может быть, в ваших жилах эльфийская кровь?

На мое удивление, он лишь отмахнулся на глупую шуточку.

– Да кто теперь разберет, чья кровь в чьих жилах. Я слышал, в твоем войске даже тролли?

– Только как фактор устрашения, – торопливо сказал я. – А вообще планирую использовать их как стройбат. Чтобы армия прошла через болото, сперва нужно проложить дорогу, а тролли тут как нигде кстати...

Он кивнул.

– Ну разве что так. Только держи их подальше от простого народа. Хотя те от троллей мало чем отличаются сами, но как раз они всегда полны ненависти ко всем, кто не такой, как они.

Эльфийка держалась тихо, как мышь в уголке, а я слушал отца Дитриха со все большим удивлением. Всегда казалось, что церковь истребляет все отклонения от человека, сам видел, как горят на площадях осужденные ведьмы, колдуны, некроманты, вампиры, волшебники, а тут такое странное благодушие.

Я снова создал кофе, на этот раз три чашки, для эльфийки крохотную, ей кофе послабее, со сливками и сахару побольше.

Отец Дитрихпил спокойно, с удовольствием, так же без всякого сопротивления брал из вазочки изящное печенье. Эльфийка держалась трусливо, но отважно, старалась меньше двигаться, а пила совершенно бесшумно, инстинктивно соблюдая хорошие манеры, хотя не имела о них никакого понятия.

Наконец он вздохнул, нехотя поднялся, я поспешил вскочить и поддержать его под локоть.

– Дорога был тяжелой, – сказал он с извиняющейся улыбкой. – Увидимся утром. И договорим, если что не успели.

– Спокойной ночи, – пожелал я. – И хороших снов, отец Дитрих.

– И вам обоим тоже...

Я проводил его до двери, и там ткнулся разогретым мыслями лбом в толстое, покрытое лаком, дерево и задумался.

Отец Дитрих почему-то совершенно не реагирует на присутствие эльфийки, а эти существа вроде бы считаются нечистыми с точки зрения церкви. Ничего осуждающего не сказал

насчет сотрудничества с троллями, так что я напрасно долго и старательно подбирал и готовил доводы, выганивал и отшлифовывал с ювелирной тщательностью.

И вдруг, словно в некоем озарении, мелкие кусочки мозаики, что порознь сбивали с толку, сложились в ясную картину. Раньше я, как и все тупые, – а кто из нас не тупой и не мыслит штампами? – уверенно полагал, что церковь – это некая темная сила, что душила науку и сжигала ученых только за то, что они ученые. А инквизиция так ваще, сплошь палачи, что обожали мучить и пытаться людей. Ну что делать, ну дурак; в свое оправдание могу сказать только, что так думало и все еще думает абсолютное большинство, а большинство – это и так понятно, на каком интеллектуальном уровне.

В оправдание себе могу сказать только, что да, я все понял и наконец-то разобрался, ибо – надо. Это когда не надо вот так уж остро, то мыслишь готовыми заготовками, где-то услышанными или прочитанными, что составили, однако, не боги, а люди, нередко еще дурнее тебя самого.

Но теперь вот, видя, как неустанно церковь твердит человеку, что у него есть душа, правда-правда есть, и он должен быть лучше животных, а значит, и вести себя иначе, я не понимал, по своей горячности и непримиримости, почему не всех чернокнижников тащит на костер, почему закрывает глаза на какие-то проявления магии, почему вообще в этом мире сосуществуют религия и магия несмотря на официальный запрет любого чародейства, в то время как вроде бы церковь всех изничтожила.

Ага, ну да, всех взяла и уничтожила. В один день. И христианская вера укрепилась раз и навсегда тоже за сутки. Язычество забыто, и уже никто не только не верит в гороскопы, но даже не знает, что это такое, нет никаких бабкованг, глоб и ведьм, дающих объявления насчет приворотов и заговоров, нет идиотских пророчеств, что все человечество гикнется к концу года.

Только теперь начинаю понимать, что церковь, как и все, что делает, так и наступление на язычество и все животное в человеке ведет очень осторожно и неторопливо. Что и понятно: если перегнуть – можно сломать. Или, скорее, саму церковь ломают к такой матери.

Вот, помню, Пророк вел наступление на пьянство очень долго, последовательно и в несколько этапов. Сперва был аят, что в вине есть польза и вред, но вреда больше, чем пользы. После этого часть арабов отказалась от спиртного, но другие решили, что для них пользы больше.

Через несколько лет был второй аят, запрещающий произносить молитву пьяным, так как в таком состоянии не сконцентрироваться на своих мыслях и духовных силах, а третий аят вообще запретил спиртное и азартные игры отныне и навеки, так как на одном из пиров, где подавалось спиртное, почтенные и достойные гости ухитрились перепить, затеять безобразную драку, а наутро стыдились посмотреть друг другу в глаза.

Точно так и церковь наступает на язычество, то есть остатки старых вер и религий, колдовство, волшебство, магию и все то, что тянет человека вниз, в животную сущность, очень медленно и поэтапно. Выдавливает и запрещает не сразу, человек слишком уж большая свинья, потому свинство нужно из него выжимать постепенно, иначе взбрыкнет и начнет отстаивать свое право жить гордо и свободно засранной свиньей.

Понятно же, что алхимики и всякие маги – это интеллектуалы, если их вот так взять и просто перебить – мир оскудеет. Потому церковь везде старается перевербовать, где добром и уговорами, где страшая костром. Если такой упорствует, то не так уж и сразу тащит на костер, если упрямец, конечно, не ведет прямую и откровенную борьбу.

Такая политика мягкой силы понятна, церковники – сами интеллектуалы, а если перебить магов, то останутся наедине с тупым и невежественным быдлом, чего совсем не хочется. Особенно если учесть, что они нередко сами выходцы из той же среды, как вон создатель христианства Савл, что преследовал, убивал и сжигал христиан, а потом получше ознакомился с

их учением, назвался Павлом и взялся сам проповедовать это странное, но такое многообещающее и с огромным потенциалом учение.

Потому церкви и сторонникам магии еще долго сосуществовать, хотя, конечно, ярые фанатики будут стремиться истреблять магов всюду. К счастью, таких ярых в любом движении единицы, а в целом церковь мягко вытеснит магию на протяжении столетий, а не вот так рывком, как по детству и глупости мне казалось раньше.

Из глубины комнаты пропищало:

– Это у тебя такой ритуал?

Я обернулся. Эльфийка уже забралась под одеяло и выглядывает оттуда, как суслик из норки. Огромные глазищи в полумраке блестят и светятся мягким жемчужным светом.

– Э-э... ты о чем? Ах да...

Я тряхнул головой, в самом деле очень оригинальное место и поза для размышлений, почти баран перед новыми воротами, быстро разделся и тоже лег.

Дверь распахнулась, ворвался Бобик, сытый и облизывающийся. В проеме появился Ульман и крикнул виновато:

– Простите...

Бобик помахал нам хвостом, сделал круг по комнате и плюхнулся посередине на ковер.

Ульман закрыл дверь, эльфийка высунулась из-под одеяла, посмотрела по сторонам.

– Фух, все ушли... О чем таком говорили, ничего не поняла!

– Ты же красивая, – утешил я ласково, – даже очень красивая, этого достаточно. Спи, существо.

Она тут же послушно взобралась на меня, распластавшись, как прогретая на солнце медуза, и заснула, тихо посапывая на груди. Почему-то облюбовала это место, то ли как самое теплое и защищенное, то ли так утверждает свое превосходство эльфов над человеческой расой, то ли еще что, я не задумывался, просто рассеянно гладил по пышным волосам, что укрывают ее, как одежда, и сам обычно тут же засыпал тихо и мирно.

Глава 7

Грохот, лютые крики и звон оружия прозвучали так громко, что я вскочил, сбросил сонную эльфийку. Меч как будто сам прыгнул в руку, а может, и прыгнул, я приготовился к схватке раньше, чем сообразил, что звон и крики доносятся из коридора, а дверь содрогается от ударов и толчков с той стороны.

Эльфийка вскрикнула в ужасе:

– Нас пришли убить?

– Ну да, – огрызнулся я, – особенно тебя!

Дверь содрогаться перестала, но голоса зазвучали еще громче. Я попытался отворить, створки уперлись в нечто в коридоре, а когда нажал всем телом, нехотя отодвинулись тяжелые тела на полу, а под ноги мне широким слоем потекла кровь.

В коридоре вооруженные люди уносят постанывающих воинов, я успел увидеть искаженное болью и залитое кровью лицо Переальда, под стеной еще несколько человек, их подхватывают на руки и торопливо уносят.

От стены до стены все залито кровью, в шаге от двери моих покоев распростерся на спине крупный голый мужчина, весь в ужасных рваных ранах, колотых и рубленых, живот разворочен, череп расколот до нижней челюсти, все содержимое вывалилось на пол.

Стражи у лестницы перегородили вход, там уже толпятся слуги и некоторые из гостей, ночующих во дворце.

Подошел Хрурт, в доспехах еще огромнее, шлем где-то потерял, на волосах кровь, щеку перечеркивает кровавая царапина.

– Сэр Ричард, – прорычал он, – все в порядке. Эта сволочь убита, мы на страже...

– Вижу, – ответил я нервно, – у нас еще те порядки!.. Думаю, все короли завидуют. А уж императоры так и вовсе... Это все из-за этого? Чего он голый?

Хрурт покачал головой.

– Оборотень. Трех наших убил и пятерых покалечил. Отец Дионий убит, два монаха ранены. Они закрыли дверь своими телами.

– Где они?

– Уже унесли.

Я стиснул челюсти, некоторое время сдерживал ярость и разочарование. Великие дела, грандиозные свершения, а тут эти подлые удары в спину... но в самом деле могут все сорвать, остановить, повернуть вспять.

– Пригласите отца Дитриха, – сказал я. – Сюда пока никого не впускать. Это... пусть лежит.

Он переспросил с недоверием:

– Но... зачем?

– Просто осмотрим еще раз, – ответил я резко. – Что, я должен объясняться?

Он пугливо поклонился.

– Простите, ваше высочество.

Я вернулся в кабинет; слышно было, как в коридоре Хрурт покрикивает, требуя, чтобы все убрали и вымыли до блеска. Некоторое время слышались тихие голоса, шлепанье мокрых тряпок.

Эльфийка, одетая и суровая, пытается сесть за стол, но все время соскакивает, наконец вскрикнула:

– Отец Дитрих!

– Пришел? – спросил я с недоверием.

– Поднимается по лестнице!

– Ну, – протянул я, – у тебя слух лучше? Быть такого не может...

Выждав чуть, я отворил дверь. На том конце коридора показался отец Дитрих, только что поднявшийся к нам на этаж, чуточку запыхавшийся, встревоженный и опечаленный.

– Сколько людей погибло, – сказал он вместо приветствия, – и отец Дионий, он же светило криптоистории...

– Телохранители тоже люди, – ответил я резко. – И даже монахи... Как не заметили эту тварь?

Он с печалью смотрел на распростертого на полу человека.

– Так я и знал... Что ж, теперь все понятно. Велите убрать труп, больше это... не понадобится.

Я отступил от двери и пригласил жестом в кабинет. Отец Дитрих вошел, тяжело волоча ноги, с трудом опустился в кресло.

– Отец Дитрих, – сказал я, – вина?

– Лучше вашего кофе, – ответил он слабым голосом. – Знаю-знаю, почему у тебя такое лицо. Думаешь, монахи бесполезны? Ошибаешься. Они уже ликвидировали несколько попыток нежити проникнуть во дворец, на что так надеялся герцог.

– Герцог?

Он вздохнул.

– И не только он один. Поверить трудно, сколько было попыток в первые же дни!.. Очень ты многих растревожил, а то и разозлил. Монахи и отец Дионий, уверяю тебя, оборотня тоже увидели сразу, чего тот явно не хотел. И успели поднять тревогу!

Лицо его было серьезным и даже жестким, лицо не церковника, а... возможно, настоящего церковника, когда церковь была в начале пути, а ее люди постоянно отдавали жизни за свое дело, но и без колебаний забирали их у других.

Я распустил скованные яростью мышцы.

– Простите, святой отец. Я даже не знал, что это не первая попытка...

– Оборотень, – сказал он невесело, – вовсе не исчадие ада. Если бы нечисть или нежить, монахи одним бы словом в пепел, в дым, как делали и раньше.

– Ох, – сказал я, – простите. Бываю зело туп.

Он отмахнулся.

– Все мы в чем-то... Беда в том, что это существо из плоти и крови... Монахам удалось только снять покров незримости, чтобы увидели и стражи...

– Но трое погибли, – сказал я с горечью, – а пятеро ранены... Это что за зверь?

– Обычный оборотень, – ответил он. – Они просто намного сильнее человека.

– Почему? – спросил я. – Та же плоть, те же кости.

Он пожал плечами.

– У всего есть цена. Оборотни не могут существовать как оборотни. Они слишком много тратят силы на то, чтобы догнать, напасть, убить... да и вообще на то, чтобы быть в личине оборотня! Если оборотня оставить оборотнем, он умрет от истощения. Потому они живут в человеческом облике, сын мой. И, скажу тебе больше...

Он замялся, я ощутил необычное, отец Дитрих либо говорил мне, либо не говорил, а сейчас словно бы не знает, как сказать, чтобы не поранить мою детскую психику невинного ребенка.

– Отец Дитрих?

Он ответил с неохотой:

– Есть даже целые деревни оборотней... Маленькие, правда. Расположены в лесах, вдали от людей. Миссионеры, как ты знаешь, идут вперед любых войск и первооткрывателей, они и наткнулись... Преподобный Игнатерий первым сообщил о такой деревне и сказал, что останется с ними, чтобы нести им слово Божье и защищать от зла.

Я спросил с недоверием:

– Под злом он имел в виду рыцарей Креста?

– Всех, – ответил он уклончиво, – кто может им повредить. В первую очередь крестьян других деревень, что все глубже заходят в лес и когда-то да наткнутся.

– А почему не истребить?

Он развел руками.

– Если живут там уже несколько поколений, за это время никого не убили и не изувечили...

– Ну да, – согласился я, – нам все-таки нужен повод. Хоть крохотный.

– Они этого повода не дают, – ответил он с непонятным выражением. – Думаю, вовсе не из страха перед нашими мечами.

– А почему?

– В личине оборотня они звери, – пояснил он, – а быть зверем мало кому нравится. Хотя бы потому, что ничего не чувствует, кроме голода и злобы. Понимаешь, оборотнем можно только напасть и убить, больше ничего. А строить дом, собирать урожай, разжечь очаг, приготовить вкусный суп...

Я спросил с недоверием:

– И что, церковь их не трогает? Даже, боюсь в такое поверить, оберегает?

Он перекрестился.

– Господь указал нам лишь путь... даже не путь, а направление. А дороги, дорожки и тропки все должны выбирать сами. Оставить мирных оборотней в живых или перебить до единого – ни то ни другое не остановит и даже не замедлит нашего движения к построению Царства Небесного на земле. Не так ли?

Я перекрестился и ощутил, что сделал это привычно, как поправил бы воротник.

– Необычный взгляд, – признался я. – Это я по молодости слишком фанатичен или же церковь опасно быстро стареет?

Он покачал головой.

– Возраст дает прежде всего мудрость.

– Не всем, – возразил я. – И как тогда, если одним дал мудрость и тем самым смягчил их нравы, а другим мудрости не дал? Эти другие просто убьют первых!

Он печально улыбнулся.

– Обычно мудрость находит пути, чтобы защитить себя. Однако во многом ты прав, юный друг.

– Только во многом?

Он не принял шутки, ответив с грустью:

– Против прямой и грубой силы часто и великая мудрость оказывается бессильной.

– Потому церковь должна быть молодой, – сказал я. – Или просто чуточку злее. А то ей кажется, что мир благодаря ее усилиям уже стал добрым... а это далеко не так.

Я проводил его до двери, демонстрируя почтение, и сам закрыл за ним, но когда обернулся, Лалаэль вскрикнула и с ногами взобралась в кресло, прижалась к спинке, как трусливый зайчик при виде внезапно появившегося волка, а я отпрянул так, что грохнулся затылком о деревянную поверхность.

– Логирд!

Призрак колышется передо мной, нагло ухмыляющийся, только в темных провалах глаз все та же пугающая бездна.

– Я уже давно здесь, – сказал он бесплотным голосом, – но не стал появляться, чтобы не смущать священника.

– Он к тебе хорошо относится, – заверил я.

– Все-таки, – сообщил он, – лучше вот так, не смущая его церковную совесть. – Эльфийка? – В его голосе прозвучал интерес исследователя. – Никогда не имел с ними дела...

– Да, – сказал я, – ты же больше по демонам, нечисти, нежити и трупам... Здравствуй, Логирд. Лалаэль, это друг, не бойся.

Она пролепетала, едва не плача:

– Все равно боюсь... Это же призрак...

– Он безобидный, – заверил я. – Он же ничего не может. Тень, видение...

Она посмотрела на меня, на него.

– Правда? А что с ним не так?

– Но он же, – начал я и осекся, посмотрел с подозрением на Логирда. – Что она говорит?

Он несколько замялся, даже колыхнулся из стороны в сторону, словно простое привидение, а не весомый призрак.

– Да пустяки. У эльфов есть глупое поверье, не имеющее под собой никакого... Но это неважно. Я примчался сразу, как услышал о случившемся. Это исходит из королевства Эбберта.

Я насторожился, а со дна души начала подниматься тяжелая ярость.

– Точно?

Он кивнул, от этого движения призрачная голова на пару долгих секунд деформировалась, словно сизый дым под легким ветерком, но затем все вернулось на место, а голос прозвучал так, словно Логирд оставался живым:

– У короля Хайбиндера особая разведка. Он, отважно отбросив ваши непонятные христианские ценности, пошел на сотрудничество с самыми ужасными уродами, какие только есть на свете... Дает им покровительство, а они за это выполняют для него всякую подлую работу.

Я спросил настороженно:

– Например?

– Его разведка, – пояснил он, – вся на оборотнях. Днем – как все остальные люди, однако ночью могут быстрее кошки взбежать по отвесной стене, промчаться по потолку, перепрыгивают стены в три ярда высотой, а если нужно догнать жертву, ну, сами понимаете...

Я пробормотал:

– Ничего себе... Хайбиндер зашел слишком далеко...

– Он старается все скрывать, – пояснил Логирд, – иначе, как понимаете, христианские короли пойдут войной и тогда уже никакие оборотни не спасут. Все-таки, пусть их у него хоть пара десятков или даже сотня, но против армий трех-четырех королевств, что вторгнутся с разных сторон, не поможет сам дьявол. Хотя у него есть некоторые штуки и поинтереснее оборотней...

– Что?

Он покачался в воздухе из стороны в сторону.

– Не знаю пока. Я могу проникать практически везде...

– Но не везде?

Он кивнул, на мгновение скрыв призрачное лицо.

– Есть магические защиты, которые не пройти и призраку. Но я ваш вассал, сэр Ричард...

– Ты мой друг, – возразил я, – ты отдал жизнь за меня, а некромант, как я понимаю, ценит свою шкуру выше, чем рыцарь! Так что я в неоплатном долгу.

– То был мой долг вассала, – напомнил он высокопарно. – В общем, буду стараться узнать больше. Должен заметить, ваше высочество, если вы – завоеватель, то Ламбертиния как раз самое лакомое. Это, можно сказать, счастливая страна. Уже тем, что некий древний маг, наложив страшное заклятие на герцогство, одновременно взял и под защиту.

– Под защиту?

Он сказал скучно:

– Ну, не под защиту в прямом смысле, просто сказал, что пока герцогство останется герцогством, ему ничего не грозит. И пока местные династии не восхотят стать королями... А слухи ходят насчет того... Но я всегда был уверен, что слухи насчет того, якобы древний маг защитит герцогство от любого нашествия, распускают сами члены герцогской династии, оправдываясь, что им никогда не стать королями.

– И что, – спросил я с недоверием, – герцогство в самом деле такое... счастливое?

Он подвигал призрачными плечами, на миг превратив их в бесформенное облачко.

– Ваше высочество, – произнес он так, что я и в бесплотном голосе уловил едкую иронию, – не поверю, что вы не навели о нем всякие там справки! Но во всем герцогстве всего два места, которые принято обходить стороной. Темный Плес и Лысое Плато. Если взять любое другое королевство, такое же по размерам, там таких мест десятки, а то и сотни.

– Прекрасно, – пробормотал я с завистью. – Темный Плес – это что?

– Место, которое свободно посещают звери и птицы, но люди там исчезают, – ответил он, – а Лысое Плато – поле великой битвы, случившейся тысячу лет тому. Тогда воины великой расы керубей, так они себя называли, вышли на бой с бозардами, что прилетели с вершин далеких гор на крыльях страшной черной бури, блистающей молниями. От грохота содрогалась земля, реки заполнились кровью, керуби полегли почти все, но разгромили бозардов, и те отныне никогда не смели прилетать в эти края... А керуби поклялись, что снова выйдут из могил и вступят в бой, если бозарды когда-либо рискнут...

– Красивая легенда, – согласился я.

Логирд проговорил медленно:

– Да, красивая. Только это не совсем легенда... Керуби в самом деле могут подняться. Правда, не мертвые, но те, кто выжил тогда. Они не захотели оставаться без своего народа и погрузились в вечный сон, нарушить который может только появление ненавистных им бозардов.

Я зябко повел плечами.

– Не хотел бы, чтобы эти чудовища проснулись!.. Прошлое лучше не будить.

Он светски улыбнулся.

– Надеюсь, я для вас не прошлое.

Глава 8

Я вернулся и медленно опустился за стол, стараясь сосредоточиться на следующем шаге, но так, чтобы правильном, а не только эффективным.

Эльфийка подошла тихонько со спины и принялась чесать меня за ушами. Надо узнать, это у них ласка, насмешка или знак презрения, она еще и попискивает что-то птичье-эльфячье, ну да ладно, нас оскорбляют, а мы не оскорбляемся, просто получаем удовольствие вопреки любой логике...

В общем, когда-то, после Последней из Великих Войн, на разоренной и обезлюдившей земле нежити и нечисти было гораздо больше, чем людей. Но часть их вымерла, а остальных успешно истребляли объединившиеся в группы люди.

Часть нелюдей сумела прикинуться людьми: вампиры, оборотни, демоны, и так было довольно долго, затем чистку человечества взяла на себя церковь с неведомой и недоступной пониманию нелюдей святостью.

Постепенно среди людей их не осталось, последние из нелюдей прятались в дремучих лесах, высоких горах, глубоких пещерах, куда люди не добирались, да и не собирались добираться.

С некоторыми из них, что научились жить обществами, теми же гномами, кобольдами или эльфами, постепенно установились полулегальные товарно-денежные отношения. Кобольды не выносят света и не показываются на поверхности, но чувствуют в породе любую руду и умеют вытаскивать ее до крупинки, а из рук гномов выходит такая сталь, которую не под силу выковать человеку.

Только вампиры упорно стремились жить среди людей, используя тех как скот, но их практически истребили всех. Оборотни избегли этой участи, живя в лесу и прячась от всех, однако со временем умные и щепетильные люди ухитрились их использовать в своих целях...

Король Хайбиндер создал, как говорит Логирд, из них целый штат разведчиков. Думаю, он не один такой сообразительный и нещепетильный. Разумеется, втайне от населения королевства. Народ не потерпит такого короля, не говоря уже о благородных лордах, но когда в руках власть и деньги, то многое можно сделать втайне.

Мне приходится труднее, я искренний сторонник церкви и стараюсь ее усилить, однако она сильна подвижниками и фанатиками вроде Ульфиллы, что сразу же, только дай ему волю и силу, уничтожит эльфов, троллей, алхимиков и все, что не укладывается в его понятие чистоты и справедливости.

Впрочем, я пока что ухитрялся лавировать, а если меня и заносило вправо или влево, то пока не чересчур так уж...

– Ладно, – сказал я наконец, – скоро день кончится, а я сижу тут, как сыч какой...

Она отпрянула, глаза округлились.

– Ты хочешь куда-то поехать?

– По крайней мере, – пояснил я, – выйти из здания. А что?

– Но ты только что прибыл!

– Я здесь переночевал, – напомнил я. – Целую ночь, подумать только! С вечера и до самого утра. По меркам людей это безумно много.

– Ты сумасшедший?

– Еще какой, – ответил я гордо. – Ведь сумасшедший – это человек, наделенный исключительно сильной интеллектуальной независимостью! Для доступности скажу проще – гений.

Она сказала саркастически:

– Ах-ах!

– Осваиваешься, – заметил я одобрительно.

Она догнала меня у двери.

– Я пойду с тобой!

– Не сейчас, – ответил я строго. – Учись по-волчьи выть, тебе жить среди людей.

– Людей?

– Людей, – согласился я. – Вот видишь, как эльфы действуют на людей? Во всем с вами соглашаемся. Как жить, спрашиваю?

В коридоре телохранители бдят в усиленном режиме, прямо напротив входа расположился молодой священник со строгим бледным лицом и глазами праведника. Он внимательно посмотрел на эльфийку, что не успела уйти с линии его взгляда, по лицу его промелькнула тень неудовольствия, однако тут же повернулся ко мне и учтиво поклонился.

– До нашей глуши доходят слухи, ваше высочество, – произнес он нерешительно, – что вы очень ревностны в вере и почитании основ Святого Писания...

Во мне сразу нечто ощетинилось, как же, догадываюсь, что за слухи доходят, я ответил почти враждебно:

– Ну-ну, еще как верны! И что?

Он ответил мирно:

– Отрадно, что столь молодой человек так ревностен. Обычно молодость бунтует и все отвергает.

– Вы тоже не старик, – ответил я хмуро, – так что неча свысока... Вы прибыли с отцом Дитрихом? В моем войске много священников, можете пообщаться с ними, рассказать о своих нуждах. Я дал им широкие права и возможности пользоваться даже ресурсами армии для своих нужд.

– Ваше высочество, – проговорил он с недоверием, но уже с зарождающимся энтузиазмом, уже и про эльфийку забыл, – это даже больше, чем мы рассчитывали! Вы истинный Защитник Веры!

– Стараюсь, – ответил я все еще настороженно, однако он так и не заговорил об эльфийке, молодец, главное все-таки дело, а не наше обличье морале.

Эльфийку видели не только монахи-цистерцианцы, что едут вместе с армией, но и рядовые священники, однако и они смолчали, хотя кто-то и хмурился. Главное – дело, а эти пустяки со временем уладим...

– Кстати, – сказал я, – отец Дитрих, как Великий Инквизитор, защищен от любой нечисти... как и любых чар колдунов, но острый клинок может поразить его так же легко, как и любого человека.

Священник кивнул, взгляд был тверд, как скальная порода.

– В рай не входят на перинах. А с поля битвы – чаще.

– Согласен, – сказал я, – но стараться уйти в рай пораньше – это трусливое бегство от земных трудностей. Потому вы с отцом Дитрихом уж постарайтесь помучиться здесь еще. Я скажу Переальду, это старший над телохранителями, чтобы выделил двух для сопровождения отца Дитриха. Вы им не мешайте и не препятствуйте.

Он ответил строго, не сводя с меня взгляда:

– Мы будем работать вместе.

Хрурт, что прислушивался к разговору, вмешался на правах давнего знакомого:

– Ваше высочество, мы все сделаем. Не отойдем от него ни на шаг!

Я покачал головой.

– Увы, отходить придется. Он не захочет, чтобы его охраняли. Потому охраняйте так, чтобы он этого не видел.

– Сэр Ричард!

– Это будет нетрудно, – успокоил я. – Он всегда окружен народом. Будьте среди них, только смотрите не на отца Дитриха, а на... просителей.

Бобик, как только услышал, что едем к Меганвэйлу, тут же исчез, во дворе я его не обнаружил, но когда мы с Зайчиком покинули город, то в раскинувшемся за его стенами лагере я усмотрел скачущего на всех четырех перед Меганвэйлом Адского Пса. В прошлый раз он так его достал просьбами бросить бревнышко, что доблестный герцог неделю жаловался на боль в вывихнутом плече и распухших мышцах.

Я тогда посоветовал не баловать собачку, на что Меганвэйл ответил с укором, а кого же тогда баловать, да и как откажешь, когда он смотрит такими детски умоляющими глазами...

Бобик увидел нас, когда подъехали совсем близко, бросился навстречу, Меганвэйл сделал шаг и преклонил колени.

– Герцог...

– Ваше высочество...

– Герцог, – сказал я, – мне приятно видеть, что доблестные полководцы предпочли обитать в шатрах, чтобы оставаться ближе к войску, хотя в столице для них приготовили роскошные апартаменты.

Он воскликнул:

– Ваше высочество!

– Герцог, – сказал я, – ваша армия еще не разбрелась на ловлю кур и гусей, а также веселых женщин?.. Можете встать.

Он поднялся, глаза горят восторгом.

– Удивительная армия, – воскликнул он с чувством. – Никогда не видел такой дисциплины! И вообще, ваше высочество, мне даже нравится вот такое... ну, когда без сражений или почти без оных устанавливаем контроль над городами и крепостями!..

– Растете, герцог, – сказал я и пояснил: – Умный человек растет всю жизнь, а дурак останавливается рано. Одолеть в сражении – это даже не половина дела, увы. Самое главное начинается потом, как вы сейчас испытываете на своей шкуре.

Он победно ухмыльнулся.

– Ваше высочество, но мне это нравится.

– Значит, – сказал я, – нагружу вас еще. Пока не вззоете.

– Ваше высочество?

– Вам новое задание, – сказал я. – Берете с собой наиболее боеспособные части и вторгаетесь в королевство Вендовер. Я туда уже послал гонца с гневным требованием перестать скрывать... нет, это простонародное слово... лучше прекратить укрывать герцога Блекмора и выдать его вместе с плененной им Ротильдой Дрогонской, королевой Мезины...

Он не обратил внимания, что я начал называть Ротильду королевой Мезины, слушает внимательно, спросил деловито:

– Сопrotивление ожидать серьезное?

– Вряд ли, – сказал я. – С герцогством у них союз, даже какие-то родственные связи плюс династический брак отца герцога.

– Его мать из Вендовера, – сказал он, явно очень довольный, что может блеснуть знанием таких связей, – поэтому нападения со стороны герцогства там никогда не ждали и оборонных сооружений нет.

– Прекрасно, – сказал я.

– Так что продвинемся далеко, – добавил он довольно.

– Нет, – ответил я. – Как только король Вендовера Буркхарт Третий выдаст королеву Ротильду, вы остановите войска.

Он ответил с неохотой:

– Слушаю, ваше высочество.

– Мне вовсе не нужны войны, – объяснил я. – Даже победоносные.

Он посмотрел на меня в недоумении.
– Почему?
– Мне нужно большее, – ответил я.

Глава 9

Эльфийка сидит в кресле, забравшись туда с ногами, скукожилась в комок, хотя во дворце тепло, бльмет на меня огромными глазами, дивно раскосыми к вискам, что сейчас в полутьме кажутся темно-фиолетовыми.

Днем здесь толклись два священника, окурили ладаном, от которого эльфийка расчихалась, побрызгали святой водой, закрепили молитвами окна и двери, однако еще вчера отец Дитрих предупредил, что так перекрывают доступ нежити, нечисти и демонам, проще говоря, нечистой силе, но если кто явится во плоти, то его могут только лишить магической защиты, как было с оборотнем...

Неделю назад я купил за большие деньги волшебное стекло-амулет. Если посмотреть сквозь него, то можно увидеть то, что было сто или тысячу лет тому.

Я несколько раз заглядывал в дороге, но ничего интересного, даже деревья одни и те же, никогда на месте березняка не растут сосны или наоборот, а скалы и горы вообще не меняются миллионы лет.

Теперь же во дворце начал заглядывать чаще, кто тут правил, как правил, кто куда деньги прятал, вдруг да забыл достать, или ему помешали...

Затем ощутил, что в этом есть нечто непристойненькое, не совсем непристойное, а именно непристойненькое, что еще хуже, все-таки в великих грехах и великих преступлениях есть некое достоинство, а вот мелкое и есть мелкое...

Да еще однажды увидел Ротильду в роскошных покоях, сидящей в кресле с кубком вина в руке, и поспешно убрал волшебное стекло. Не знаю, был ли в той же комнате герцог, и знать не хочу, а то получается, что подглядываю, это нормально для простолюдина, но не для гордого рыцаря.

В дверь стукнули, это приучаю к деликатности, заглянул Переальд и спросил тихонько:

– Отец Дитрих?..

– Приси, – сказал я и поднялся.

Отец Дитрих, заметно посвежевший за эти дни, зашел с деловым видом, протянул руку для поцелуя, я отвел его к лучшему креслу, придвинул поближе легкий столик и сотворил для него большую чашку с горячим сладким кофе, а потом создал еще и блюдце с рассыпным печеньем.

– С утра отбуду дальше, – пояснил он. – Я же прибыл не только для того, чтобы завезти тебе отпечатанные экземпляры Хартии. Раз уж я архиепископ еще и Турнедо, то побываю и погляжу, что сделать для укрепления и величия церкви...

Я смотрел, как он взял чашку обеими руками, пальцы тонкие, худые, вдохнул одуряющий запах, даже глаза прикрыл от удовольствия.

– А еще Варт Генца и Скарляндии, – напомнил я. – Думаю, в вашу епархию нужно вписать и Ламбертинию. Что-то я не заметил здесь оживленной церковной жизни!

Он кивнул, лицо стало строгим, но сперва сделал глоток, прежде чем ответить:

– Враг пролезает в любую щель, чтобы ослабить нас. В борьбе душа мужает, а в благополучии чаще всего теряет бдительность, потому враг предпочитает прокапываться изнутри. Демоны внутри нас... это самое опасное, потому что человек должен бороться сам с собой, а это ох как нелегко! И никто с собой бороться не любит.

– Демоны, – пробормотал я. – Приходилось сталкиваться, но... это не то, что внутри нас.

Он отхлебывал неспешно, наслаждаясь бодрящим напитком, но улыбка оставалась невеселая.

– Ты говоришь о других демонах, сын мой. Как известно, до грехопадения Адам был бессмертным. Как, впрочем, и Лилит. Они нарожали массу детей. Хотя Лилит не имела души, это

не мешало их... союзу. Да и когда мужчине мешало отсутствие души у женщины? Но однажды Господь объявил, что отныне человек будет властелином всего сущего, хозяином вселенной и всего, что в ней есть... и часть ангелов, как ты помнишь, были весьма даже недовольна.

– Помню, – сказал я и уточнил: – По старым книгам.

– Вот-вот, – проговорил он мирно, – но только Лилит сразу резко и решительно отказалась поклониться Адаму и признать его господином. Якобы она сказала, что они оба из одной и той же глины, потому равны и подчиняться Адаму не будет, хотя ряд богословов утверждают, что она была сотворена Господом из огненной материи... но это неважно. Важнее то, что из-за ее постоянного спора с Адамом за первенство Господь создал для Адама жену плоть от плоти его, кровь от крови, тихую и послушную. Дети, рожденные Лилит от Адама, остались бессмертными, однако, не имея души, постепенно превращались в чудовищ.

Я спросил хмуро:

– И только со временем их перестали считать людьми и нарекли демонами?

Он ответил невесело:

– Их расплодилось столько, что у них теперь свой мир, скрытый от потомков Евы.

– Отец Дитрих, – спросил я, – но у Адама же была душа? Почему у них...

– У них тоже, – ответил он, – у некоторых... Но души даже у людей, бывает, гаснут, а уж у демонов неистовая звериная натура Лилит подавляет все человеческое... Первое потомство Адама и Лилит почти ничем не отличалось от людей, ты наверняка слышал о стоккимах, нефилимах, рефанах, но когда пошли плодиться в своем кругу, они все больше уходили от первых, а огненная природа Лилит все больше брала верх. Сейчас это... просто демоны.

Я зябко повел плечами, вспомнив демонов, что помогли мне одолеть могучего мага на Юге.

– Демоны бессмертны, – сказал я, – но не креативны. И с каждым тысячелетием... а теперь все быстрее, попадают в зависимость от людей, магов, что ухитряются отыскивать их слабые места. Это опасно, отец Дитрих!

– Знаю, – сказал он. – Церковь постоянно укрепляет защиту против демонов.

Я сказал с неловкостью:

– Вообще-то надо не против демонов...

Он задержал чашку у рта и посмотрел на меня поверх с вопросом в глазах.

– Сын мой?

– А против магов, – пояснил я. – У демонов свой мир, и они отделяются от нашего все больше. А маги стараются получить над ними власть и заставить действовать в нашем мире! Вопреки воле самих демонов.

Он подумал, покачал головой.

– Защиту нужно укреплять против всего, что грозит нам, сын мой. Это как на войне, сперва перемалываешь армии противника, прежде чем доберешься до тех, кто их направил... А так да, конечно, лучше всего было бы сразу убирать тех, кто командует!.. Но неужели тебе кажется, что первым додумался ты?

Я поежился, вспомнив попытки достать меня мечами, когтями, магией, женщинами...

Он допил, со вздохом сожаления опустил чашку на стол и поднялся.

– Надо успеть поспать перед дорогой.

Я подхватился, взял его под локоть и бережно проводил до двери. Он обернулся и перекрестил неподвижную эльфийку.

– Мудрый ход, сын мой... Хоть и забегаешь далеко вперед. Надеюсь, у тебя получится и это.

Он не уточнил, что такое «это», вышел, и лишь когда дверь закрылась, Лалаэль перевела дыхание.

– Уф... Как я его боюсь!

– Почему? – спросил я. – Он хороший.

– Он замечательный, – возразила она с пылом. – Но это как огромная сверкающая гора, что надвигается и надвигается... Я чувствую такую ужасающую мощь, что может сметать горы...

– Понятно, – сказал я, – ты боишься, как тушканчики страшатся приближения грозы с громом и молниями, хотя гроза приходит вовсе не из-за тушканчиков...

– Я тебе не тушканчик!

– Еще какой, – заверил я. – Прямо тушкан. Принцесса тушканчиков.

В коридоре послышались голоса, я не успел прислушаться, как сама по себе отворилась дверь, в комнату вошла цветущая и радостная Бабетта. Все так же налита солнцем, золотые волосы падают на спину в подчеркнутом и строгом беспорядке, губы – спелые черешни, в глазах смех, на щеках сильный и здоровый румянец.

– Рич, – сказала она щебечуще, – какие у тебя красивые мужчины в охране!.. Но ты все-таки ярче. И намного интереснее!..

Я пробормотал ошалело:

– Бабетта... Ты умеешь удивить...

– Я такая, – заявила она, увидела эльфийку в кресле, моментально умилилась: – Ой, какая хорошенькая!.. Рич, у тебя прекрасный вкус!.. Я даже не предполагала и... знаешь, начинаю ревновать.

Я фыркнул, как большой боевой конь на краю поля битвы.

– Ну да, ревновать, слово-то какое!.. Ты хоть знаешь его значение? Жаль, у меня нет толкового словаря, а сам объяснить не сумею...

Она продолжала рассматривать испуганную эльфийку очень внимательно и оценивающе.

– Она не просто хорошенькая, – комментировала она так, словно рассматривает на рынке щенков в корзине, – она... она прекрасна!.. Давно не видела эльфов. Как тебе удалось? Хотя тебе все удастся, вон меня как сумел, я и опомниться не успела.

Я сказал мирно:

– Садись вот сюда. Вино?.. Мясо?.. Ты еще не перешла на человечину?

Она грациозно опустилась в кресло, глаза живо блестят, захохотала весело и неприлично:

– А что, пора?.. Знаешь, ты прав, когда все в жизни перепробовано, может быть, стоит... как думаешь?

– И что останавливает? – поинтересовался я.

Она посмотрела с хитрой усмешкой.

– А откуда идея, что я остановилась?

– Чутье.

Она пожала плечами.

– Не знаю даже. Какой-то страх... Нет, не моральные запреты, а нечто иное... Может быть, то, из чего и возникли эти дурацкие моральные запреты? В общем, пока не решаюсь...

Слуга внес на подносе вино, жареное мясо и белый рыхлый сыр, нарезанный толстыми ломтями. Я взял кувшин и собственноручно, с предельной галантностью, налил ей в кубок.

Она наблюдала, как темно-вишневая струя слегка выгибается дугой, медленно взяла, в задумчивости повертела ножку в пальцах, продолжая рассматривать слегка вспененную поверхность.

– Вообще-то, – проговорила она с хитрой усмешкой, – я знаю о твоей способности создавать вино и еду...

Я открыл и закрыл рот, потом сказал с неловкостью:

– Знаешь, не люблю признаваться, но меня это так истощает, что прибегаю к такому только в редких случаях.

Она чуть кивнула.

– Когда очень уж хочется похвастаться?

– Скорее, – уточнил я, – когда похвастаться надо.

– Да, – согласилась она, – магия требует нешуточных сил... Ладно, у герцога, оказывается, прекрасное вино. А я еще и проголодалась.

– Да, – сказал я ей в тон, – и перемещение с помощью магии требует сил. Верно?

Она красиво вскинула брови в наигранном изумлении.

– На что ты намекаешь? Я?.. С помощью магии?.. Рич, я примчалась на прекрасном быстром коне! Все видели, как я проехала через арку городских ворот!

– Это тоже объяснимо, – сказал я, – и ты это знаешь... что я знаю. Вообще-то, Бабетта, когда ты попадалась мне вроде бы случайно в Сен-Мари, это еще можно было объяснить, хоть и с натяжкой. Но когда вот здесь, по эту сторону Великого Хребта, то и самый тупой поймет, что послана проследить за кем-то. Но если прибыла именно сюда...

Она бросила беглый взгляд в сторону эльфийки, ее мы в разговор не вовлекаем, это не детские игры, поморщилась.

– Какие ужасные слова употребляешь!..

– Подбери более точные, – предложил я любезно.

– Ну-у-у, – протянула она, – где твое мужское самолюбование? Почему не предположить, что я, будучи безумно влюбленной в тебя, такого замечательного, последовала за тобой, чтобы втайне вздохнуть и восторгаться?.. Девочка, ты нас не слушай, в него все влюбляются, противного такого!

– Да, – согласился я, – это здорово. И слушать приятно, ты права. Но я в самом деле все глыбже влезаю в шкуру правителя и государя.

– И что?

– На такого мелкого червячка не ловлюсь, – сообщил я.

– А на какого?

– Размером с королевство, – сообщил я. – И чтоб это королевство было размером с планету. Ты знаешь, что такое планета?

– Как-то слышала, – ответила она небрежно. – А ты?

– Тоже слышал, – сообщил я. – В детстве. Так как насчет шпионажа? В отличие от солдат шпионов и диверсантов вешают на месте! И вообще, как думаешь, почему я не удивлен, встретив тебя здесь?

Она кокетливо расхохоталась.

– Я знаю!

– Так почему?

– Ты думал обо мне, – сказала она щебечуще, – вот я и появилась!

– Прекрасное объяснение, – согласился я. – А теперь давай серьезно.

– Ой, – сказала она подчеркнуто серьезно, – давай. А с тобой можно?

– Бабетта, – ответил я мирно, – ты даже не представляешь, что со мной можно. Давай сразу уточним одну бесспорную вещь. Ты послана шпионить за мной...

Она улыбнулась.

– Милый Рич, я обожаю тебя за твое самомнение...

– Разве не так? – спросил я.

Она покачала головой.

– Вспомни, я была в Брабанте, когда ты прибыл через Перевал, молодой такой и самоуверенный виконт, ничего еще не умеющий и особенного из себя ничего не представляющий...

Я поморщился.

– Ну, вообще-то я шороху там задал... хоть и позже. Ладно, ты присматриваешь за всем этим регионом. Резидент, так сказать, местной шпионской сети по эту сторону океана. Но теперь, когда заметную роль начал играть я, ты все больше интересуешься мною. Не так ли?

Она продолжала беспечно улыбаться, а ляжка с ее плеча все сползала и сползала.

– Бабетта, – сказал я, – не отвлекайся. Можешь вообще спустить эту штуку, а то и раздеться догола. Увидишь, смогу разговаривать так же спокойно. Во всяком случае, твои несомненные прелести не собьют, не отвлекут, не направят мысли в иное русло.

– Ты настоящий мужчина, – сказала она с одобрением, – не самец, что обычно понимают под этим словом, а действительно... И сейчас у тебя что-то на уме вот прямо во время разговора появилось, я же вижу по твоим честным мужским глазам, как нечто крепнет и пускает корни...

– Точно, – согласился я.

– Говори, – сказала она, – я уже в кресле, из него не выпаду.

– Есть идея, – произнес я скромно. – Почему бы не перевербовать тебя, такую умную и красивую?

Глава 10

Мне показалось, что эльфийка бросила на меня лютый взгляд, но я смотрю на Бабетту, не отвлекаясь, а она в удивлении вскинула брови и расхохоталась.

– Меня?.. Ты?

– А почему нет? – возразил я уязвленно. – Да, он император. Всея его власти не знаю. Однако там ты, полагаю, она из многих, а здесь ты могла бы стать... Однажды великий Цезарь, проезжая через нищую альпийскую деревушку, сказал придворным, что он предпочел бы здесь быть первым, чем вторым в Риме.

Она посмотрела серьезно.

– Рич... Не знаю, как мужчины, вас целиком лепили из самолюбия, а я бы подохла в такой деревушке. Мне нужен шумный придворный свет, много красивых и умных людей, музыка, веселье, интриги...

– У меня это тоже все есть, – заверил я, – а будет еще больше. Неужели тебе не хочется стоять у начала чего-то великого?

– Радость мужчин в сотворении, – произнесла она еще серьезнее, – радость женщины – в потреблении. Но еще большая радость для женщины... это – лью воду на твою мельницу – быть рядом с мужчиной, который умеет что-то создавать, решать, принимать на себя ответственность... Нет-нет, не спеши гордо расправлять плечики! Ты пока еще ломаешь. А это возраст детства. Вот когда начнешь строить...

– Я уже строю, – ответил я просто.

Она улыбнулась.

– Да?

– На обломках, – пояснил я. – Конечно, сперва расчищаю площадку. Но ты видишь пока только руины того, к чему привыкла. Такое тебя... удручает, скажем мягко. Но я уже строю, хотя видишь пока только флот.

Она продолжала улыбаться.

– Еще железная дорога, – напомнила она. – Очень изящное решение! Никогда бы не додумалась...

Я отмахнулся.

– А ты в шахтах бывала? То-то. Там везде полозья, на тележках руду вывозят. Я всего лишь вывел подобное из шахт на свет божий и... укрупнил. Бабетта, я в самом деле строю новый мир! И кое-кто уже это понял.

Она спросила так же легко и даже игриво, но я уловил резкий скачок интереса:

– Кто же этот проницательный мудрец?

– А догадайся, – сказал я. – И еще... не отвергай сразу, ты же умная женщина!.. Умные женщины умеют доить сразу двух мужчин. А то и больше.

Она хихикнула.

– Мужчин? Императоры и даже короли – это не мужчины, это что-то иное. Хотя да, мужчины тоже присутствуют, но мужчины в вас в меньшинстве.

– Бабетта, – сказал я с укоризной. – Так нечестно. Ты даже не хочешь признать, что выполняешь какие-то задания, хотя это понятно, да и ты знаешь, что я это давно понял. Но даже отказываешься обсуждать какие-то варианты...

– Какие? Ты можешь ответить, зачем было захватывать герцогство?

– Сказать честно? – спросил я.

Она проговорила настороженно, даже чуть отстранилась:

– Ну... если это тебя не убьет...

– Не убьет, – успокоил я, – хотя шарахнет. В герцогство я вторгся с огромной армией, народ притих, в том числе и самые амбициозные лорды. Впервые я не прочь, что репутация у меня... ну, как бы не очень...

– Еще как не очень, – сказала она милым голоском, – несмотря на твои сладкие речи.

– Ну так вот, – продолжил я, уже сердясь на самого себя за минутную слабость, – здесь и проделаю то, что пока не решаюсь даже в Турнедо и Сен-Мари, хотя там тоже стоят мои армии.

Она проговорила с непониманием:

– Что? Что ты замыслил столь чудовищное... что даже сам не решаешься?

– А поговори с народом, – ответил я и добавил злорадно: – С любимым, не только с лордами.

Увидишь, я не только воевать умею.

Она помолчала, глядя на меня серьезно и задумчиво. На эльфийку больше не обращала внимания, да и та затихла, вообще старалась не шевелиться и не привлекать к себе внимания.

Я не сводил взгляда с Бабетты, она обронила наконец тихо:

– Поговорю... При дворе императора Германа, кстати, как раз сейчас идет дискуссия, как к тебе относиться.

Я сказал бодро:

– Не могут понять, расцеловать меня в правую щеку или в левую?

– Спасибо, – пропела она нежно, – что не сказал насчет жопы.

Я сказал с укором:

– А еще леди...

– Милый, – возразила она, – это выражение впервые услышала именно от тебя!

– Быть такого не может, – сказал я. – Будучи отцом народа и покровителем изящных искусств, я разве такое могу? Обычно заворачиваю круче... И что, на меня уже обратили внимание?

Она послала мне очаровательную улыбку.

– Внимание обратили давно, милый. Еще до того, как ты отыскал Тоннель и вторгся в Сен-Мари, что находилось под рукой императора.

– На словах, – напомнил я.

– Неважно, – ответила она. – По крайней мере, король Кейдан называл себя вассалом императора. Ты себя им не считаешь, и многие требуют у императора, чтобы ты был...

– Устранен?

– Наказан, – уточнила она после короткой заминки.

– Но не все?

– Не все, – согласилась она. – Большинство все же полагает, что овчинка выделки не стоит. Во-первых, Сен-Мари за океаном, все равно это лишь далекий осколок некогда великой империи, фактически уже давно потерян... Во-вторых, ты не представляешь большой угрозы, а ради той, что есть, не стоит задействовать серьезные силы...

Я насторожился, буркнул:

– А несерьезные... насколько серьезны для меня?

– Лучше с ними не сталкиваться, – пропела она чарующе. – Здесь такой мощи не знают, и к ней не весьма, как ты говоришь. Однако самые прозорливые, к их мнению император обычно прислушивается, полагают, что ты становишься опасен.

– Вот как?

– Да. И напоминают, что проще задавить волчонка, чем пытаться бороться, когда он станет матерым волком и возглавит огромную стаю.

Я спросил настороженно:

– И что император?

Она лукаво улыбнулась.

– Рич, а ты меня любишь?

– Перестань, – ответил я, – что император?

– Император, – повторила она, – император... А что император?.. Ничего. Понимаешь, чем выше поднимаешься, тем осторожнее себя ведешь. Император слова не скажет, прежде чем выслушает сорок советников.

Я покачал головой.

– И что... он их еще не выслушал?

Она пожала плечами.

– Откуда мне знать, кого и что он слушает?.. Я – свободная птица, красивая женщина, живу в свое удовольствие. Может быть, император не только выслушал, но и принял какое-то решение. Может быть, даже не начинал слушать. Однако же тебе нужно либо утихомириться и, как у вас говорят, залечь на дно, либо же ясно показать императору, что являешься его подданным.

Я сказал зло:

– Неужели император делит мир только на подданных и врагов?

Она красиво расхохоталась, чувственно открывая сочный рот с пухлыми губами, красиво и зовуще вывернутыми, откинула голову, так что я увидел ее нежное горло, а от него скользнул взглядом к нежной груди, почти выпрыгивающей из корсажа.

– Я же сказала, милый Рич, насчет волков и волчат?.. Когда он пришел к власти, в других регионах уже были равные ему по мощи волки с многочисленными волчьими стаями. Понял? А вот волчат за годы своего правления он утопил немало.

Злость и страх борются во мне так, что сердце едва не выскакивает, я заставил себя сделать глубокий вдох и сказал контролируемым голосом:

– Надеюсь, твой император точно понимает, кто волк, а кто волчонок.

Она ответила серьезно:

– Поверь, он понимает.

– Иногда волчата растут очень быстро, – добавил я.

– И это он понимает, – сказала она, – более того, ты как раз волчонок, что растет не просто быстро, а удивительно быстро.

Она сделала многозначительную паузу, я договорил за нее:

– И потому он наверняка принял какое-то решение. Даже догадываюсь, какое.

– Рич?

– Ночью был убит оборотень, – сказал я, – что пытался вломиться в мою спальню.

Она вытаращила глаза, затем звонко расхохоталась.

– Рич!.. Ну не будь таким ребенком!.. Чтоб император и... оборотни? Рич, не смейся. Такой примитив, можно даже сказать – деревенскость, можно увидеть только здесь, в северных землях, далеких от цивилизации. Нет-нет, я не выдам никаких тайн, если скажу, что императорская канцелярия ни при чем. Это глупые штучки местных магов-самоучек... Ладно, Рич, ты сегодня очень серьезный и, как вижу, весьма поэтичный, потому не буду навязывать тебе свое общество. Увидимся!

Она легко вспорхнула из кресла, вся, как рождественский ангел, нежная и зовущая, улыбнулась игриво и сделала шаг к двери, что снова сама распахнулась навстречу.

Уже из коридора послала мне обольстительно-сочувствующую улыбку, в которой были и сожаление, и нежность, и дружеское участие.

Дверь со стуком отрезала ее от нас, но Лалаэль не двигалась, пока в коридоре звучал перестук каблучков, а когда повернулась ко мне, ее огромные глазницы были полны недоумения.

– Не понимаю...

– Я тоже, – сказал я небрежно, – но не обращай внимания. Если бы мы делали только то, что понимаем, мы бы из пещер не вышли.

Она покачала головой.

– Нет, мой господин, я не понимаю... Она – зло, огромное и могучее зло, но вредить тебе почему-то не собирается. Совсем напротив...

– Это как? – спросил я.

Она сказала растерянно:

– Не знаю... Это сложно. Она словно бы должна ударить тебя... и защитить от этого удара!.. Не понимаю я людей.

– А кто их понимает? – изумился я. – Это такие двуногие птицы без перьев... Я вот не понимаю, как Господь творил человека по своему образу и подобию! Сколько ломал голову, но не понимаю.

Она пискнула:

– Спроси у отца Дитриха.

– Чтоб он меня на костер?.. Нет уж, надо самому думать. Особенно хорошо о таком абстрактном думается, когда нужно делать что-то важное, срочное и конкретное. Вот тогда мы все философы заоблачные...

Глава 11

За окном звон мечей, два громадных рыцаря с ревом рубят один другого тяжелыми мечами, от щитов обоих уже отрублены края, на шлемах срублены перья, но одни дерутся отчаянно, что и понятно: один в цветах моей армии, другой ламбертинец.

Подобные поединки вспыхивают на каждом шагу, все они называются дружественными, якобы просто интересуются боевыми приемами друг друга, но обычно заканчиваются весьма жесточно.

Я сжал челюсти, но смолчал. Нет смысла издавать запреты, скоро уйдем отсюда... если, конечно, не найду повод зацепиться и оставить эти земли под своей властью в той или иной мере.

В дверь заглянул Динальд, телохранитель, красивый и рослый, он из знатнейшего рода Сен-Мари, едва ли не самого древнего в королевстве, но считает честью охранять мои покои и мою шкуру.

– Ваше высочество, – сказал он почтительно, – в Истанвил только что в большой спешке прибыли послы из королевства Вендовер.

– Ого, – сказал я, – быстро они. Где сейчас?

– Ждут аудиенции, – сообщил он.

– Пусть им отведут хорошие комнаты, – распорядился я. – Не лучшие, а так... средние.

Он покачал головой.

– Говорят, будут ждать, когда вы сумеете их принять.

Я подумал, поколебался, есть соблазн подержать их подольше, а то и назначить прием на завтра или послезавтра, однако это мало что мне даст, потому сказал после минутного раздумья:

– Через час в малом тронном зале.

– Сообщить, что примете?

– Да, – сказал я нетерпеливо. – Сообщи!

Он скрылся, эльфийка вздрогнула и отшатнулась, когда я повернулся к ней и посмотрел взглядом собственника.

– Ты чего? – пропищала она в ужасе. – Ты чего такой? Я с тобой не пойду!

– Вообще-то, ты должна сидеть рядом, – сказал я. – Народ должен привыкать видеть тебя возле олицетворения власти.

Она пискнула:

– Это ты так о себе?

– Да.

– Ничего себе олицетворение...

– Однако, – сказал я после паузы, – на этот раз освобождаю от этой приятной, я же вижу, и ах какой почетной повинности. Но потом заставлю отработать вдвое.

– Хорошо-хорошо, – согласилась она, – лучше потом. Когда привыкну. Если привыкну.

– Куда денешься, – сказал я.

Через час я неспешно отправился в указанный зал, за мной сразу же пошли двое из телохранителей и один монах, хотя другие монахи и так распределены по всем коридорам и залам, где я должен или могу проходить.

Лалаэль оставил в личных покоях герцога вовсе не потому, что пожалел, я уже начинаю гордиться безжалостностью, но речь может зайти о пленнице, а это будет перебор, когда и эльфийка, и Бабетта, а потом еще и Ротильда...

По дороге присоединились некоторые лорды, все стараются быть рядом с государем, когда тот принимает иностранных послов или вообще ведет приемы. Таким образом их запо-

минают, запоминают, что эти люди близки к тому, от кого зависит их судьба, а репутация в этом мире значит очень много.

У самых дверей зала увидел Ханкбека, беседующего с гигантом, похожим на огра в одежде человека: голова сидит прямо на плечах, шеи не видно, а шляпа совсем чудовищная...

Ханкбек умолк и поклонился, огр обернулся, я чуть не плюнул, узнав Шварцкопфа.

– Дорогой Армин, – сказал я в сердцах, – кто вас так обрядил?.. Местные модницы? Никого не слушайте, одевайтесь по своему выбору. А сейчас оба будьте при мне.

Шварцкопф виновато развел огромными и толстыми, как стволы деревьев, руками.

– Ваше высочество...

– Думаете, – сказал я едко, – все закончилось?

Шварцкопф ответил с тяжелым юмором:

– Ваше высочество, мы же видим, с кем пошли!

Перед нами поспешно распахивают двери и кланяются, кланяются, это уже местные, ламбертинцы постепенно возвращаются к своим обязанностям.

Я прошел к трону, уселся в царственной позе и напомнил себе, что отныне я уже принц, и вообще – победитель, потому я диктую, и какие бы важные и внушительные с виду люди ни появились, это они должны слушать меня, внимать мне и кланяться мне.

Хрурт и Динальд за моей спиной застыли, словно выкованные из металла фигуры, в руках церемониальные копья, но оба прекрасно владеют ими не хуже, чем боевыми, а Шварцкопф, Ханкбек и другие лорды гордо встали по обе стороны трона, выпрямились и смотрят с гордым достоинством на всех, кто в буквальном смысле ниже на ступеньку в зале.

Дверь отворилась, Альбрехт вошел царственным шагом и поклонился с великим чувством достоинства, одновременно окинув меня цепким взглядом, дескать, не расстегнута ли ширинка, вытер ли слюни...

– Ваше высочество, послы из королевства Вендовер.

Я произнес царственно-небрежно:

– Пригласите.

Он вышел, я слышал его приглушенный голос, затем дверь распахнулась снова, в зал вступили двое в темной одежде и темных шляпах, что так непривычно в ярко праздничном рыцарском мире.

Оба сразу же преклонили колени и почтительно склонили головы. Я произнес властно:

– Лорды...

Они чуть-чуть поклонились, я сказал все тем же царственно-властным голосом:

– Что бы ни привело вас в мой лагерь, пусть это будет нужным и полезным делом. Вы можете полностью довериться герцогу Шварцкопфу, он пользуется моим полнейшим доверием.

Оба, не поднимаясь, смотрят мне в лицо с тем вниманием, когда слова почти не слушают, стараясь прочесть недосказанное, что должно проступить в выражении лица, но я держусь как фараон на троне, и после короткой паузы сделал движение пальцами, что все всегда понимают правильно.

Послы поднялись, поклонились еще и, прижав шляпы к груди, одновременно отступили, не поворачиваясь. По церемониалу нужно сделать два шага, потом повернуться и выйти, что они и сделали, это в тесном шатре не получалось, и там подобные им выходят, пятясь, словно мелкие просители из чертогов восточного сатрапа.

Шварцкопф пробормотал так тихонько, что кроме как в этом зале и двух соседних его могли и не услышать:

– Я польщен, но... почему вы не возжелали...

– А догадайтесь, дорогой друг.

Он пошевелил могучими плечами.

– Ну... полагаю, раз в вашей руке меч длиннее, то вам не изволится вести переговоры с мелкими лордами.

– Верно...

– Вы хотите, – проговорил он с сомнением, – чтобы прибыл сам король Буркхарт Третий?

– Точно!

– Это еще не все?

– Не все, – согласился я. – Постарайтесь догадаться о главной причине!

Он покачал головой.

– Теряюсь в догадках.

Я поднялся с трона, хлопнул его по плечу.

– Не пора ли вам самому упражняться принимать послов?..

Он неуверенно заулыбался, еще не понимая, зачем ему это здесь, но чувствуя, как далеко впереди восходит солнце Скарляндии.

Во дворце оживление, прибыли фрейлины, разбежавшиеся после сдачи города нашим войскам, хотя надо привыкать говорить «моим войскам».

По одной не решались, но после слухов о короновании завоевателя принцем и о том, что никого не грабят и не насилуют, откликнулись на призыв графа Дэниэла Чарльза вернуться и составить свиту принцессе, что прибыла вместе с тем самым ужасным Ричардом.

Оживились не только мои орлы, истосковавшиеся по молодым женщинам своего круга, но и ламбертинцы, привыкшие видеть во дворце самых красивых и знатных леди герцогства.

Из прибывающих почти половина новеньких, все чистенькие, благовоспитанные, платья густо осыпаны бисером и прошиты золотыми нитями.

Народ сразу ломанулся навстречу, а там выстроились в две шеренги, пропуская их посредине, смотрят влюбленно-почтительно, даже вроде бы не раздевают взглядами. Девушки в самом деле выглядят крайне добропорядочными и скромными, даже вырезы у платьев почти ничего не открывают, опускаясь всего на два пальца ниже горла.

Некоторые из самых храбрых орлов пытались заговорить с ними, другие просто восклицали:

– Смотри, как идет!

– А у этой, как у лебедя...

– Ха, смотри, как вон у той оттопыривается...

Когда они собрались в большой комнате отдыха для фрейлин, я вывел к ним эльфийку. Все юные леди тут же присели в почтительнейшем поклоне. Я некоторое время озираю их свирепым взглядом – так надо, это все для новоявленной принцессы: пусть видит, как меня боятся, а это значит, что будут подчиняться и ей, а вовсе не будут бить и пинать.

– Встаньте, леди, – распорядился я. – Вот ваша госпожа, зовут ее Лалаэль. Она принцесса эльфов, так что ничего не потеряла и не приобрела, переменяя... место жительства. Вы должны беспрекословно выполнять все ее пожелания... К сожалению, характер у нее слишком мягкий, но не советую этим пользоваться! За ее спиной стою я, даже если в этот момент нахожусь в другом королевстве, но по возвращении взыщу по всей строгости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.